

Калиниченко Тарас

*Там, где
раздаются крылья*

Тарас Калиниченко

Там, где рождаются крылья

«Автор»

2026

Калиниченко Т.

Там, где рождаются крылья / Т. Калиниченко — «Автор», 2026

Действие дилогии разворачивается на Австралийского континента. После Всемирной революции 2157 года коммунисты победили капитализм, а затем была свергнута и правящая коммунистическая партия. В Свободном обществе больше нет денег, начальников, социального неравенства. Люди и роботы равны, каждый трудится на благо общества, а все блага доступны любому. Сюжет первой части повествует о школьнице Габриэлле – пятнадцатилетней девочке с больным сердцем и ярким умом. Эта история – о дружбе, мужестве, принципиальности и подлинно пионерском поведении. Сюжет второй части подкидывает новые испытания для талантливой Габриэллы. Но слава оказалась тяжким бременем. Чтобы отдохнуть, Габриэлла приезжает в пионерский лагерь «Звёздный». Здесь она находит то, чего ей так не хватало в школе – настоящих друзей. Лагерная жизнь течет беззаботно: кружки, дискотеки, совместные расследования, посиделки у костра и первая любовь. Но спокойствие оказывается обманчивым. Над «Звёздным» сгущаются тучи.

© Калиниченко Т., 2026

© Автор, 2026

Тарас Калиниченко

Там, где рождаются крылья

Калиниченко, Тарас Викторович

Там, где рождаются крылья : Фантастический роман / Иллюстрации автора. – Москва : Изд-во, 2026

Действие дилогии разворачивается в недалеком будущем на территории Австралийского континента. После Всемирной революции 2157 года коммунисты победили капитализм, а затем была свергнута и правящая коммунистическая партия. В Свободном обществе больше нет денег, начальников, социального неравенства. Люди и роботы равны, каждый трудится на благо общества, а все блага доступны любому. Но можно ли построить идеальное общество, не изменившись самому?

Сюжет первой части повествует о школьнице Габриэлле – пятнадцатилетней девочке с большим сердцем и ярким умом. После долгих лет домашнего обучения она идет в обычную школу. Но вместо радушного приема, яркая и свободомыслящая новенькая сталкивается с непониманием, насмешками и открытой враждебностью. Эта история – о дружбе, мужестве, принципиальности и подлинно пионерском поведении.

Сюжет второй части подкидывает новые испытания для талантливой Габриэллы. Ее имя знает весь мир, а ее летающие автомобили стали реальностью. Но слава оказалась тяжким бременем. Чтобы отдохнуть, Габриэлла приезжает в пионерский лагерь «Звёздный». Здесь она находит то, чего ей так не хватало в школе – настоящих друзей. Лагерная жизнь течет беззаботно: кружки, дискотеки, совместные расследования, посиделки у костра и первая любовь. Но спокойствие оказывается обманчивым. Над «Звёздным» сгущаются тучи.

Творчество есть, прежде всего, полная сосредоточенность всей духовной и физической природы. Она захватывает не только зрение и слух, но и все пять чувств человека, она захватывает, кроме того, и тело, и мысль, и ум, и волю, и чувство, и память, и воображение. Вся духовная и физическая природа должна быть устремлена при творчестве на то, что происходит в душе воображаемого мира.

К.С. Станиславский

Крылья Габриэлы

Ида

По правде говоря, даже и не знаю, с чего начать. Наверное, прежде всего, стоит представиться, зовут меня Ида. Вполне обычное имя для девчонки, родители которой, были выходцами из южной Индии. И, хотя я там никогда не была, знаю со слов матери, что там довольно красиво. После событий 2157 года моя семья была вынуждена долгое время колесить с места на место. Переезды были связаны с работой матери, поскольку она являлась доверенным партийным работником. А вскоре после моего рождения родители сменили образ жизни на более оседлый, остановились в живописном городке, который ранее именовался Аделаида, что на юге Австралии, ныне это место именуется Радостным районом. Местечко здесь довольно неплохое, климат мягкий и местность с выходом на Индийский океан. Живем мы с матерью вдвоем, и признаюсь, небедно, не подумайте, что хвастаюсь, но вот я в свои пятнадцать лет уже успела побывать на всех континентах, кроме Южной Америки. Естественно, эти путешествия имели место быть отчасти потому, что матушка моя являлась членом КПСМ (Коммунистической партии Свободного мира), и партия оплачивала ей различные командировки, дальний длительный отпуск, путевки. За этот год учебы в старшей школе в моей жизни случилось много всего интересного, в связи с этим мне бы хотелось рассказать лишь о самом важном. Возможно, ты можешь сейчас подумать, что рассказ заурядной школьницы не стоит потраченного времени. Но не торопись с выводами, ведь, как сказал кто-то из авторов педагогического трактата: «Дети – отражение нашего тайного “я,,».

Если ты все еще читаешь, то позволь внести некую ясность в события последних лет. 2 мая 2157 года произошла Всемирная социалистическая революция, свидетелем которой я, к счастью, не была, ведь родилась шесть лет спустя. Если у тебя возник вопрос, в каком государстве я живу, то с гордостью отвечу: в Свободном мире. Если же интересно мнение остальных жителей северной или южной Америки, Австралии, восточной или западной Евразии, они ответят тебе аналогично. Из этого можно сделать лишь один вывод, что революция победила на всех континентах без исключения, и бывшие государства, их границы, наименования затерялись где-то среди страниц книг по истории. На каком языке мы общаемся? Тоже отличный вопрос, наш язык составлен из языков разных народов, и зовем мы его языком Свободных людей. И третий вопрос, который ты можешь задать мне, от какого такого поработителя мы в 2157 году освободились? Пожалуй, в списке всех возможных ко мне вопросов это один из важнейших.

Освободился народ Свободного мира от классового образа жизни. А вместе с тем и от людей, строивших свое благополучие на эксплуатации, унижении, обмане, боли и смерти. Не удивлюсь, если ты читатель, один из таких поработителей, да вот ты, владелец магазина, и вон та женщина, которая содержит частную школу, и даже тот седовласый, которого все кличут шефом! К моему счастью, я лично не знакома ни с кем из этих нехороших людей. Экономически все они были уничтожены в первые месяцы после революции, вместе с их исчезновением освободились и порабощенные ими люди. Больше нет ни собственника, ни наемного рабочего, нет слабого и сильного, бедного и богатого.

Сомнения меня терзают лишь по одному поводу. Следом за собственниками, капиталистами, народ поспешил свергнуть и коммунистическую партию, всю государственную верушку, весь государственный аппарат. Подробнее об этом я еще позже расскажу, а сейчас я задаю себе вопрос, как мы будем без наших руководителей строить то, к чему стремились и за что боролись наши матери и отцы? Не знаю, как мы будем в обществе без денег, бартера, где все товары и услуги будут бесплатные. Моя мама считает, что без помощи партии мы можем оступиться, а я не знаю, привыкла я верить авторитету старших. Меня эти изменения тоже коснулись, да всех нас коснулись, если вы думаете, что политика не касается вашей жизни, вы очень сильно ошибаетесь, она касается каждого, и ты должен касаться ее.

Вот политика коснулась нашей школы. Упразднили руководящие должности. Ни завуча, ни директора уже нет, сами учителя и ученики руководят школами. Поглядите, со мной за партой сидит мой темнокожий друг Бен, возможно, таких как он, вы пренебрежительно назы-

вае неграми, но для нас он внешне, ничем не хуже и не лучше остальных. Я по секрету вам скажу, что еще с седьмого класса влюблена в этого темнокожего невысокого парня с длинными дредами, собранными в хвост, он чуткий и отзывчивый, веселый, но не баламут, старается не врать и интересуется учебой. Мне нравится его лицо, особенно когда утренние солнечные лучи так загадочно освещают его профиль. Да, а еще ему в прямом и в метафорическом понимании очень идет пионерский галстук. Раньше я довольствовалась простой дружбой с ним, но сейчас, гормоны берут свое, и мне хочется поведать ему о своих чувствах. Не вижу ничего удивительного, вы, что, в 15 лет не задумывались о таком?

Весь наш класс, как и общество в целом, – это сплошной винегрет национальностей, объединенный в один дружный коллектив.

Девятый класс, на дворе 2177 год. За первой партой сразу передо мной сидит Хуонг, моя подруга детства, да, вон та, которая из-за короткой стрижки вам покажется похожей на мальчика. С ней вместе мы прошли обучение в садике и в школу пойти решили в один класс. Ну, порой мы ссорились, один раз даже серьезно, но потом обязательно мирились, ведь очень плохо, когда два свободных человека враждуют между собой, всегда нужно искать пути взаимопонимания. Все мы люди – братья и сестры, без исключения. Вот и сейчас Хуонг поворачивается ко мне и затейливо улыбается, наверное, радуется началу нового учебного года. И недаром. Девятый класс – это период великих свершений, и новая плодотворная почва для саморазвития.

М-да... Габриэлла. Габриэлла присоединилась к нам в самом начале этого учебного года. Припоминаю, в класс вошла Ядвига Прокопьевна, наш преподаватель по высшей кибернетике. Пожилая женщина, специалист старой закалки, и приверженка старых порядков, всегда одетая скромно, но с ноткой элегантности. К слову, она была моим любимым преподавателем. И пусть вас не вводит в заблуждение тот факт, что с моей матерью они ранее состояли в Коммунистической партии Свободного мира и были хорошими подругами, я свои отметки всегда получала заслуженно. Так вот, тогда-то Ядвига Прокопьевна и представила классу эту... принцессу фей. Стройная, очень невысокая девчонка, каштановые длинные прямые волосы, на кончиках выкрашенные светлой краской. Большие черные глаза, нос картошкой, небольшие губы. Разодетая в белую блузу с короткими рукавами в сочетании с вызывающим, но на вид не новым красным даже алым сарафаном. Из-под его подола выглядывали длинные ровные, словно высеченные из мрамора, ноги. Венцом всего ее образа оказались старомодные красные босоножки на невысоком каблуке. Некоторые одноклассники даже привстали, чтобы рассмотреть ее обувь, для многих успевшей стать символом женского порабощения канувшей капиталистической эпохи. Кстати, мать моя, человек прагматичный, всегда твердила, что девушки подобным видом выставляют себя как товар, и с этим нездоровым явлением нужно что-то делать, а именно бороться. И здесь я соглашусь с ней, я бы себе никогда не позволила надеть что-то столь яркое и вызывающее, да и зачем это? Меня устраивал мой сегодняшний образ: просторный вишневый вязаный свитер, полосатые брюки и черные кеды с белой подошвой, правда, последняя слегка поблекла от пыли.

Особенно меня задело, что эта новенькая красовалась в красном пионерском галстуке и пилотке. У кого поднялась рука такой фифе завязать на шее этот символ самого светлого и прекрасного? Чем думал этот человек? Маленькой деталью, которая выбивалась из общего внешнего вида Габриэллы, были исписанные маркером руки и даже ноги, какие-то заметки, зарисовки, цифры, а еще, это я заметила гораздо позже, вечно у нее была какая-то черная грязь под ногтями. Усадили новенькую за первую парту рядом с моей лучшей подругой, что тоже не вызвало у меня большой радости, ведь теперь я буду вынуждена лицезреть ее каждый день до конца года. Когда Габриэлла усаживалась на свое место, мне удалось разглядеть на лице преподавателя высшей кибернетики едва уловимую гримасу отвращения, явно вызванную мещанским нарядом новенькой. Когда урок начался, мое ухо уловило, что это горе луковое

знакомится с моей лучшей подругой Хуонг, а затем, повернув голову, девчонка поздоровалась с нами. Бен вежливо кивнул и поздоровался в ответ, я тоже. Для себя в то сентябрьское утро я твердо решила одно, подругами мы с этой девочкой точно не станем. Но по неписаным правилам школьного устава, мы все, и я в том числе, должны были встретить ее радушно. А также должны тепло относиться на протяжении всего периода обучения, не создавать напряженных ситуаций, трудноразрешимых конфликтов, не говоря уже о каких-либо попытках травли.

Тем не менее, Габриэлла, не желая замечать какие-либо невербальные намеки по поводу ее экстравагантных нарядов, среди которых были и яркие шорты, брюки с неоновыми вставками, разнообразные топы, плиссированные юбки и курточки, разрисованные вручную, продолжала в том же духе.

Вела себя эта девчушка на уроках более чем скромно, да и в целом оказалась настоящим интровертом. Наверное, можно посчитать на пальцах одной руки, то количество раз, когда мы с ней общались. Пару раз я заговорила с ней первая, когда судьба свела нас в вестибюле школы. Тогда мне стукнуло в голову уточнить, где она купила такие босоножки, она ответила, что на барахолке, потом она спросила, нравятся ли они мне, и я ответила, что я бы такие не надела. На этом разговор был окончен.

Второй раз наш с ней разговор состоялся уже спустя два месяца после начала учебы. Все дети нашего общества с большим удовольствием и энтузиазмом активно участвовали в тимуровском движении. Для тех, кто не в курсе, в двух словах могу сказать, что на добровольных началах мы вели волонтерскую деятельность в госпиталях, больницах, детдомах, на продуктовых, продовольственных складах, помогали престарелым, инвалидам, немощным, наводили чистоту и порядок на улицах и в парках. И как-то выпало мне с Габриэлкой помогать с доставкой продуктов для одной пожилой пары. Ничего сложного, погрузили продукты в небольшую тележку и повезли к ним домой. Но всю дорогу меня переполняло чувство некоего стыда за мою компаньонку. Сами посудите, я была одета более, чем скромно: в белой блузке и брюках со стрелками, а рядом эта фифочка в мини-юбке. Я решила аккуратно намекнуть ей, что ее наряды, могут негативно отразиться на мнении окружающих о ней и о пионерском движении в целом. Что подобные пестрые, вызывающие образы ассоциируются с мещанством и индивидуализмом, что в плане внешнего вида предпочтительнее перейти на что-то более традиционное. На что она отмахнулась и продолжила все также задумчиво толкать тележку с продуктами. Я обратилась к ней более решительно, намекая, что настоящий коммунист всегда считается с мнением окружающих, иначе рискует потерять их доверие. В ответ знаете, что она заявила? Поблагодарила меня и заявила, что сама, в состоянии подобрать себе одежду, а проблема скорее во мне, точнее, в моих непростых отношениях с матерью. Да... об этом стоит поговорить отдельно.

В коммунистическую партию мать вступила еще до революции. Как она сама рассказывала, принимали ее за многочисленные заслуги в борьбе с капитализмом. Это и многочисленные публикации, литературные труды, агитационная деятельность и непосредственное участие в демонстрациях, организация стачек, забастовок рабочих Индии, и даже участие в съемках документального фильма об условиях жизни самых бедных слоев населения. Думаю, ни у кого из вас не возникнет подозрения, что в КПСМ ее взяли случайно. После революции именно на членов партии легла нелегкая задача по преобразованию общества. Конечно, нельзя отрицать, что всемирный искусственный интеллект – мобильная автономная машина (М.А.М.) – приложила немало усилий для преодоления послевоенного экономического кризиса, продовольственного дефицита и голода. М.А.М. была создана учеными в конце революции, чтобы помочь нашим войскам победить в войне против всемирного капитала. Но именно партия и такие люди, как моя мать, стояли на пороге создания новых идеалов.

Но, как вы уже успели заметить, моя мать была членом КПСМ, именно была. Но не потому, что ее «поперли» из партии, нет, ее партбилет до сих пор был при ней, а потому, что

«поперли» партию. Не так давно, буквально пару лет назад, обвинив коммунистическую партию в умышленном стремлении к элитарному типу общества. Отовсюду была слышна риторика, мол, партийное руководство, являясь правящим меньшинством, сосредоточило в своих руках всю существующую власть, строит патерналистские (покровительственные) взаимоотношения с народом, и что партия, прикрываясь коллективизмом, планирует возвести уже знакомую всем форму индивидуализма – вождизм. Сыпались обвинения в росте социального неравенства между номенклатурой (партийной элитой) и остальной частью населения. Итогом этих громких заявлений стала революция в послереволюционном обществе. В решающий момент единственная существующая силовая структура – ЧКБВЭ (Чрезвычайный комитет по борьбе с враждебными элементами) – стала на сторону народа, за что мать их люто возненавидела. Радовало лишь то, что все это обошлось без жертв и насилия.

Мама утверждала, что ликвидация правящей структуры – партии – приведет к тотальному хаосу и всеобщему замешательству. Но, к ее огорчению этого не произошло. Моя бедная матушка, она смотрела, да и сейчас каждый вечер смотрит, ежедневный выпуск новостей, ожидая услышать хоть какой-то намек на то, что общество без них не справляется. Она приговаривала мне, что-то вроде: «Вот поглядим, чем обернется эта их анархия, как можно было взять и отдать заводы в руки рабочих? Будто они знают, как ими управлять?» Ранее мать была начальником отдела текстильной промышленности, гордилась своей должностью. Но народ на всепланетном референдуме ликвидировал начальнические посты и должности, полностью уравнив население. Далее уравниловка не закончилась, и взялись за бартерную систему, вернее, ее постепенную отмену. Я была свидетелем, как постепенно некоторые товары снижали в стоимости, а со временем цена на них вовсе исчезла, при этом количество этих товаров на прилавках возрастало десятикратно. Зарплата уже не имела значения, поскольку самые ходовые и важные товары первыми лишились цены. Магазины расширялись, массово достраивались новые секции, чтобы увеличить количество стеллажей с продукцией. Изобилие продукции обуславливалось индустриализацией и колоссальным человеческим ресурсом, который был задействован на производстве. Но вместе с этим всемирный искусственный интеллект М.А.М. фиксировал одиночные случаи тунеядства, чему несказанно радовалась моя мать. Она возбужденно размахивала указательным пальцем, приговаривая: «Вот они ягодки! Доигрались в анархию?!»

Что же имела в виду Габриэлла, утверждая, что причина моих проблем в матери? Когда я настойчиво попросила ее дать ответ на этот вопрос, она, остановив тележку, выпалила: «Знаешь, Ида, мать твоя, человек, славящийся иерархическими замашками. И после ликвидации партии, вся ее управленческая нереализованность, не найдя подходящее вместилище, выплеснулась на тебя. Скорее всего, ты страдаешь от ее тирании, но сама, будучи ребенком, перенимаешь ее манеру. Ты знаешь, что элита, всегда обосновывает свое право руководить, продвигая всевозможные учения – социобиологию, религию, которые и объясняют способы появления у них этой власти. Кто, по сути, дал тебе власть решать, как мне правильно одеваться? Возможно, Ида, потому что у тебя мать – член партии, ты и получаешь право давать другим наставления?» Признáюсь, я не была подготовлена к такому ядовитому уколу. Выслушав этот бред, я не стала медлить с репликой, сказав: «Мать моя здесь совершенно ни при чём, власти у меня столько, сколько и у тебя, но ты, по всей видимости, личность из категории индивидуалистов? Та еще эгоистка, поступки твои ведут к разложению коллектива, даже общества!» Я торжественно подняла голову, высказав, что я о ней думаю. Представляете, – она проигнорировала мои слова, ухватила за тележку и принялась толкать ее далее. И когда я догнала ее, Габриэлла вдруг очнулась и произнесла: «Я презираю абстрактный капиталистический индивидуализм с его фиктивной свободой одного за счет притеснения другого. Но и марионеткой в иерархическом коллективе тоже становиться не буду. Вот, учти, одеваться я буду, как захочу, ведь это никому не мешает, и лепить из меня безвольную массу я не позволю».

Ответ оправдал мои опасения: буржуазная индивидуалистка, бестактная, асоциальная и девиантная личность, такие к своим целям идут, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Я мысленно плюнула на нее, сказав себе, что больно оно мне надо, спорить с ней на эту тему, все равно рано или поздно жизнь ее научит и накажет. Сказать по правде, после этого разговора внутри меня остался крайне неприятный осадок. Помню, в ту ночь довольно долго не могла уснуть. Мне вспоминались слова Максима Горького, которые как нельзя лучше характеризовали личность мещанина: «Вырождается личность мещанина, вырождается его мысль, засоренная чепухой, отравленная грязным бытом... Но хотя он мелок, он всё-таки вреден, как вредна пыль, вредны испарения болот и газы органического вещества, которое гниет».

Из всех преподавателей Габриэлла была на особом счету лишь у капитана Киттинга. Сложно вообразить, что этот робот во время Великой социалистической революции был капитаном огромной субмарины. О своих боевых подвигах рассказывал он весьма неохотно, оправдываясь тем, что помнить о тех исторических временах нужно, но жить этими воспоминаниями не стоит. Поговаривали также, что война унесла жизни кого-то из его близких. У нас капитан Киттинг вел уроки творчества и развитие аналитического мышления. Предмет этот весьма эксцентричный, мне он давался непросто, порой приходилось буквально выдавливать из себя все остатки креативности до капли. Первый урок не забуду никогда. Преподаватель буквально ворвался в кабинет, плюхнулся в кресло, попросил каждого вырвать из тетрадки листок, а затем нарисовать дом своей мечты. Не ожидая никакого подвоха, я нарисовала самый простенький домик, прямоугольный, два этажа, дверь, антенна. Закончив быстрее остальных, я еще успела нарисовать пару деревьев по бокам. Когда все справились с заданием, капитан собрал наши работы, просмотрел, разложил на столе в две стопки и лишь один листик положил отдельно. Тогда он поднял эти две стопки и объявил, что поделил наши домики на две категории, домики коробочкой и домики с треугольной двускатной крышей. За исключением, этих двух особенностей в них более нет ничего примечательного. Небрежно положив наши рисунки на стол, он добавил, что если это дома нашей мечты, то он весьма огорчен. По его мнению, наши представления об архитектуре весьма стереотипны, зажатые, если выстроить по ним улицу или город, то среди таких строений несложно будет заблудиться. Капитан упрекнул нас в робости, скованности иерархической системой, несамостоятельности, призвал раскрепоститься и отправить фантазию в полет – тоже мне, педагогический подход. Затем он взял листик, который отложил отдельно и положил его перед Габриэлкой, затем едва слышно произнес: «Молодец». Он не восхвалял ее, не приводил в пример, сказал лишь одно слово, от которого у меня невольно пальцы сжались в кулак. Ну, спрашивается, что там такого могла нарисовать эта инфантильная девчужка? Кстати, для многих содержание этой ее почеркушки так и осталось тайной. Да и черт с ним, один урок – это еще не показатель всей успеваемости ученика.

Через две недели капитан Киттинг вновь предложил порисовать, он притащил рулон обоев, развернул его на полу. Затем прошел по классу, пригласил всех покинуть места и сесть на пол, из сумки извлек большую пачку фломастеров и огласил задание. На сей раз нас ждало настоящее испытание – работа в коллективе. Нужно изобразить многоэтажный дом длиной в пятиметровое бумажное полотно. Каждому ученику, а нас было 12, на импровизированном холсте выделялся равный участок, рассчитанный, на пять этажей. Разрешалось смотреть лишь на работу соседей снизу и сверху, частично рисовать на их зоне, а главное, нельзя было разговаривать и подавать любые жесты. Воцарилась тишина, мы дружно принялись рисовать. Так сложилось, что мне выпало нарисовать самые верхние жилые этажи, а Габриэлла сидела рядом и рисовала крышу. Долго она сидела и просто наблюдала за мной, не прикасаясь к фломастерам. Я тщательно вырисовывала волнистые полосы, желая сделать этажи, как можно необычнее, где-то этажи расширялись, где-то сужались. Подо мной мальчик изображал развлекательный комплекс с бассейнами, кинотеатрами, я отметила его работу оригинальной. А Габриэлла

все сидела и наблюдала за мной. Взяв фломастеры, я аккуратно закрасила окна голубым, бирюзовым, а бетонные промежутки белым, взяла черный, тонко и аккуратно навела оконные рамы и тут с ужасом заметила, что моя инфантильная соседка рисует на моем рисунке что-то напоминающее дельфина. Я так старалась, так аккуратно рисовала, а она каким-то дельфином все испортила. Затем появились еще несколько разноцветных дельфинов, но уже на ее половине. Они, словно прыгали из... воды. Стоит признать – это был неплохой ход. Габриэлла выждала, пока я нарисую что-то конкретное, и свою часть работы выстроила, основываясь на моей. Да, и на этот раз ее хвалили, но уже не учитель, а ученики. Приятные слова говорили и мне, мол, как хорошо мы сработались с Габриэлкой, как легко поняли и почувствовали друг друга. Вздор. Как истинный материалист после этого занятия я уточнила у Габриэллы, каким образом ее дельфины будут парить над нашим зданием? И она, блеснув своей воспаленной фантазией, ответила, что это могут быть голограммы, дельфинчики будут чередоваться с корабликами, пикирующими в воду чайками, луной и звездами.

Глупо было предполагать, что Габриэлла не станет посещать еженедельные школьные вечера. Каждую субботу после обеда, все желающие собирались в школьном клубе, общались, танцевали, помогали друг другу с уроками, даже совместно готовили ужин. Помню, я делилась с одноклассниками своими планами на будущее, как вдруг в зал вошла Габриэлла, наряженная в широкие цветастые шаровары и крохотный топ, волоча за собой большую черную сумку. Как вы думаете, что там было? Да, что было в этой самой сумке? Это просто вишенка на торте: там были самодельные музыкальные инструменты. В основном из старой металлической посуды, барабаны, духовые и даже струнные. Она, улыбаясь во весь рот, как наивная школьница, хотя именно такой она и была, предложила всем взять по инструменту и сыграть что-то умопомрачительное. Сама Габриэлла села на пол, выхватила из сумки что-то похожее на дудку, думаю, это был кусок полипропиленовой водопроводной трубы. Сначала многие просто улыбались, кто-то даже отшутился, но вскоре один за другим, бросая свои привычные дела, ученики подходили к сумке, рассматривали инструменты и даже пытались на них играть. К этому занятию приобщились и Бен, и моя лучшая подруга Хуонг. Вскоре мой слух уже терзала жуткая какофония из бутафорских инструментов. Кто-то даже умудрялся танцевать под эту омерзительную музыку, а Бен, мой Бен, который вот-вот должен был стать моим парнем, тарабанил вилками по кастрюле, еще и напевал что-то. Лишь небольшая горсть учеников, проигнорировав предложение Габриэллы, занималась своими делами, остальные же сели в круг и предались этой безнравственной музыкальной вакханалии. Представляете мое негодование, когда эта мешанка, эта индивидуалистка, отвлекла наш коллектив от занятий, обсуждения важных тем, в том числе и левых классиков. К моему счастью, Габриэлла не регулярно посещала школьные вечера, но часто в ее поведении прослеживался некий моветон: она затевала просто безумные кулинарные эксперименты, раздавала самодельную газету, декламировала глупые стихи собственного сочинения, рисовала желающим аквагрим, правда каким-либо талантом совершенно не обладала. Но чаще всего она вела себя пугающе спокойно, уединяясь в уголке, записывая что-то в свой потрепанный, запачканный блокнот.

Невзирая на все, жизнь моя не вертелась вокруг Габриэллы. Не хватало еще этого. Однажды теплым декабрьским вечером по дороге из школы меня настиг сильный ливень, вынуждая укрыться под козырьком хлебного киоска. Тотчас же вокруг меня возникли промокшие женщины, бабушки, мужчины и роботы. Поглядывая из-за их широких плеч, я заметила проходящего неподалеку Бена. Обходя большую лужу, он ловко семеня по бордюру, гордо держа над собой большой черный зонт. Длинные темные дреды его были завязаны в хвост и свисали на спину, его смуглое лицо излучало спокойствие и умиротворение, характерное его флегматичной натуре. Я протиснулась между столпившимися людьми и в подходящий момент подбежала и пристроилась рядом с ним. Он вначале перепугался, но увидев мое улыбчивое лицо, улыбнулся сам. Я попросила Бена довести меня домой, ведь у него зонт, а у меня нет. Он

парень скромный и благородный, поэтому не отказал мне. Некоторое время мы шли молча, слушая шум дождя.левой рукой он держал между нами зонт, и я как-то машинально коснулась его руки. Стоило что-то сказать, но я не нашла ничего более нелепого, чем обратить внимание на его обувь. Массивные кроссовки с прозрачными силиконовыми вставками совсем промокли, и я сообщила ему об этом. На что Бен, хихикая, ответил, что моя обувь в таком же состоянии.

Монотонный шум дождя прервал доносящийся издали стук колес самоката. Мгновением позже мимо пронеслась Габриэлла. Ее волосы и одежда промокли и прилипли к тощому подростковому телу.

«Покатила, красавица», – про себя иронично произнесла я. И словно услышав мои мысли, девчонка остановилась, слезла с самоката и, ведя его обеими руками, подбежала к нам. Улыбаясь, она произнесла: «Я к вам под зонтик, можно?» – и, не дожидаясь разрешения, пристроилась сбоку возле Бена. Вот это нахальство, я грозно глянула в ее сторону, пытаюсь поймать взгляд и намекнуть, что под этим зонтиком слишком тесно для троих. Но Габриэлла, не изменяя своим принципам, никогда не смотрела собеседникам в глаза.

Помолчав немного, она заговорила: «Хорошая погода, дождик теплый». Бен ответил, что дождь и правда теплый, но мокнуть сегодня в его планы не входит, поэтому он предусмотрительно захватил из дому зонт. А вот мне не хотелось поддерживать с Габриэлкой разговор, я рассчитывала, что если мы будем идти молча, то она вскоре сама отвяжется. Безмолвие продлилось недолго, и Габриэлла вновь произнесла: «Знаете, в скором будущем машины уже не будут ездить по земле, а люди смогут безопасно ходить по дорогам, куда и как им вздумается». Бен отреагировал на столь смелое предположение, спросив, как такое возможно? И эта чудаковатая девочка ответила, что машины будут летать на своеобразных крыльях, магнитных подушках, способных преодолеть силу гравитации. На это Бен предположил, что если такое и будет, то лишь в далеком будущем, ведь на сегодняшний день никто не ведет разработок в данном направлении.

Я всякое слышала от Габриэллы, но то, что мне пришлось услышать далее – переплывает любые ее инфантильные, мещанские суждения. Она призналась, что уже довольно долгое время готовится к ежегодной выставке школьных проектов и в ее планы входит разработать эти особые двигатели на магнитной тяге, способные поднять транспорт в воздух. Бен, улыбаясь, сказал, что идея весьма любопытная, и стоит попробовать, но на практике можно натолкнуться на подводные камни. Он всегда умел подобрать нужные слова, чтобы высказать мнение и не задеть собеседника. Габриэлла же с довольным видом ответила, что теоретическая часть у нее почти готова, остается проконсультироваться со школьной комиссией.

Не выдержав этого фарса, я заинтересовалась, всерьез ли она считает, что люди будут летать на машине, которую сконструировала наивная школьница? И не стоит ли сменить тему ее проекта, на что-то более... приземленное? Сколько можно оставаться наивным мечтателем, ведь девятый класс – это первая ступень во взрослую жизнь. На что одноклассница ответила туманно, мол, у нее есть мечта, и она готова к ней идти не один год.

Ох уж эта Габриэлла, и рождает же общество таких беззаботных идеалистов, напрочь оторванных от материалистичного мира. К счастью, на перекрестке она покатила своим путем, а мы прошли далее по кварталу и, свернув налево, оказались у моего дома. Ах да, долго не решаясь и перебирая взглядом пуговицы на рубашке Бена, я созналась, что питаю к нему чувства более сильные, нежели обычная дружба. А он ответил тогда, что не против романтических отношений со мной, вот это был денечек.

Хуонг

Лично мне кажется, Ида изрядно перегибала палку. Пожалуй, давайте я вам расскажу, как все выглядело с моей стороны. Зовут меня Хуонг, я подруга ранее упомянутой Иды. Она вам говорила, что мы были лучшими подругами? Так и было, по крайней мере, в начальных классах.

Как и многие ученики нашей школы, я жила в школьном общежитии, в компании двух прекрасных соседок, конечно, было бы лучше, если бы к нам подселили мальчика, но судьба не всегда преподносит подарки. Несмотря на то, что корпус общежития располагался в 20 метрах от школы, я часто опаздывала на занятия. Буржуй меня подери, но я ничего не могла с этим поделать, все это проклятая сонливость, а может беспечность, кто его знает.

Когда Габриэлла Гребская впервые вошла в наш класс, она не вызвала у меня такого шока и негодования, как у Иды. Ну, сарафан, ну, босоножки, красивые ноги, стройная и невысокая девочка. Да, она и правда была симпатичной, глаза, губы, аккуратный нос, щечки, но внешняя красота – это понятие сугубо классовое, у нас куда более ценится красота внутренняя. Наверняка скажу, что я не склонна как-то выделять человека по внешнему признаку. Ее усадили возле меня, и я была рада, что познакомлюсь с новым человеком. Сразу хочу отметить, что пахло от нее жасмином. Я позже уточнила, это оказалось эфирное масло. Запах свежий, ненавязчивый и нежный, под стать такой как она.

Да, да, странности у нее тоже наличествовали, но весьма безобидные. На первом же уроке попросила у меня линейку, деревянная ее не устроила, и я нашла ей металлическую. Так Габриэлла с помощью нее разрешила пополам яблоко и половинку протянула мне. Понятие жадности было ей чуждо, иногда она делилась не только со мной, но и с сидящими позади, Беном и Идой.

У нас появился такой эксцентричный роботизированный преподаватель творчества по имени Киттинг, вернее, капитан Киттинг. Внешне он был крупнее и выше человека, потому на уроках сидел в особом большом кресле. Хотя, в отличие от пожилой Ядвиги Прокопьевны он редко сидел, все любил ходить по классу, что-то рассказывать, говорить с учениками, на доске рисовал.

Творчество предмет весьма сложный, и пусть название не вводит вас в заблуждение. Веками элитарные группы, будь то аристократы, буржуа или те же члены КПСМ, лишали народ возможности свободно мыслить. Ида рассказывала, что ей буквально приходится из себя выдавливать что-то новое, необычное. А у Габриэллы этого необычного в голове было хоть отбавляй. Новый учитель очень понравился Габриэлле, девочка всегда слушала его, открыв рот, даже записывала его слова в какой-то толстый пожеванный блокнот. На первом уроке капитан Киттинг попросил нас дом нарисовать, ничего не уточнил при этом. Видимо, желая узнать, какую постройку мы нарисуем по умолчанию. Вот я и рисовала провинциальный домик с треугольной крышей, и круглым окном. Мельком взглянула на Габриэлла, а та быстро и смело выводила какие-то невероятные витиеватые линии, окружности. На ее листике не было дома в привычном для меня понимании, скорее что-то космическое или даже инопланетное. Оно было похоже на закрученную раковину моллюска, свисающую где-то со скалы на тонких тросах. В конце урока капитан ее не восхвалял, не ставил в пример, вернул рисунок и едва слышно произнес: «Молодец». Когда я спросила, что это за дом такой, почему он свисает на тросах, как туда забраться вообще, она ответила, что туда можно попасть на летающем автомобиле или на летающем лифте. Как вы заметили, фантазия у нее была богатая.

Фантазии эти вызывали у меня интерес и улыбку. Габриэлла имела причудливую особенность: порой, когда она сидела на уроках, ехала в транспорте, гуляла у реки, или играла на самодельной дудочке на школьном вечере, ей что-то приходило в голову, одноклассница моя хватала блокнот и судорожно что-то записывала в него. В такие моменты она, без сомнения, походила на безумца. Порой моя соседка по парте показывала мне эти записи, зарисовки в своем загадочном блокноте, среди ужасного бурного потока неразборчиво написанного тек-

ста, таблиц, формул, наличествовали и наброски одежды, и летающие авто, дома, дирижабли, мебель, и прочие приспособления, не поддающиеся описанию. Все это поражало, даже пугало. Да, рисовать Габриэлла совсем не умела, но любила, как петь и играть на музыкальных инструментах.

Моя подруга детства, скорее всего, обмолвилась вам о ее непростых взаимоотношениях с Габриэлла. Зная Иду, я не удивлена, что возникла такая ситуация. Начиная взрослеть, я все сильнее ощущала на себе ее давление. Ну, знаете как: есть у вас друг, который вроде и хороший, но вечно дожимает свою линию, принципиально, даже если неправ. Вот такой была Ида, любила, чтобы ее слово было последним. Один раз мы сильно рассорились, когда я решила постричь волосы, и не просто подстричь, а коротко. Так вот, она мне плешь так проела за это, будто я совершила нечто аморальное. Меня вывело из себя, когда она попыталась повлиять на меня через коллектив, подговаривая одноклассников, чтобы высказали свое мнение по поводу стрижки. Но тогда у нее ничего не получилось, ребята в нашем классе неглупые, поняли, что ими пытаются манипулировать. Я тогда с ней целый год не общалась. Позже отошла, и как-то забылось все это, но ошибки своей она так и не признала.

Однажды сидели мы с Габриэлла на школьной террасе, и она в сердцах нажаловалась, будто Ида за что-то сердится на нее. Я подбодрила соседку по парте. Пообещала, что постараюсь повлиять на подругу детства, и по неосторожности разболтала Габриэлле кое-что о ее матери, о матери Иды...

Можете меня склочницей считать, но я и вам расскажу об этой партийной редиске. С самого детства мы с Идой были не разлей вода. Но уже в садике я увидела на ней отпечаток авторитарного воспитания. Только гораздо позже я разобралась, в чем, вернее, в ком причина такого воспитания. Столь бескомпромиссный, резкий, властный и упертый человек скрывался под личиной ее матери.

Про отца мне и сказать нечего, столь тихого и забитого человека было сложно заметить рядом с такой могучей личностью как его жена. К слову, не выдержав тирании, он сбежал от нее, когда Иде было девять. Да любой бы поступил так же на его месте. Одно время дочь проживала у обоих родителей поочередно, но в дальнейшем мать-тиран настроила Иду против отца, и та перестала с ним видеться. Прочие детали их с отцом отношений мне неизвестны.

После разгрома коммунистической партии мать-одиночка вовсе обросла чешуей цинизма, паранойи и деспотизма. Последний раз, когда я была у них в гостях, а жили они неподалеку от школы в большом двухэтажном доме, выделенном их семье партией, я стала свидетелем домашнего, не насилия, а скорее морального унижения. Мать сидела на кухне, перебирая семена цветов, и гоняла дочь: принеси то, возьми это, понеси туда, поставь на тумбу, потом сбегай в кладовку, возьми лейку, наполни водой, по пути отнеси вот это туда-то; затем возвращайся обратно сюда, вот это заверни, а потом завяжи на узел, принеси оттуда вон то. Если что-то Ида делала не так, по-своему, ее тотчас подвергали длительным нравоучениям. Мать твердила ей: «Вот когда будешь жить одна, тогда станешь хозяйкой и будешь поступать по-своему, а сейчас делай так, как я говорю! В этом доме я хозяйка, мне его партия выделила». Что здесь такого, спросите вы? По меньшей мере такая манера обращения убивает в человеке всю самостоятельность. Ида словно на автопилоте совершала все действия, думая лишь о том, когда приказам наступит конец. Я не выдержала столь дикой сцены насилия над личностью и демонстративно покинула их дом. Себе я сказала, что более ноги моей там не будет.

В своих суждениях о Габриэлле Ида полагалась на достоверные, по ее мнению, факты. Конечно же, сперва я не придавала этому конфликту должного значения. Лишь позже, когда воочию стала свидетелем этих беспочвенных обвинений в мещанстве и инфантилизме, меня пробрало праведное негодование. Ида утверждала, будто внешний вид – это не что иное, как проявление внутреннего я, и теоретически в чем-то она была права. Также Габриэллин образ пионерки не вязался с ее эксцентричными выходками и привычками, что тоже в какой-то мере

повлияло на развитие конфликта. В-третьих, представляла интерес семья новенькой девочки. Мать – медсестра в отделении педиатрии, а вот отец, что выяснилось позже, был не кем иным, как барабанщиком пресловутой рок-группы «Трудно быть богом». Хотя тексты их песен были вполне адекватными, но стиль исполнения вызывал вопросы у некоторых. Лично я слушала их песни и ничего плохого сказать не могу, отличный текст, правда, музыка на любителя. У меня есть основания полагать, что эти три пункта можно дополнить банальной ревностью. Зачастую внимание нашего коллектива было приковано к Иде, но порой, не желая быть конформистом, Габриэлла перетягивала одеяло на себя. Появление в классе столь эпатажной новенькой ученицы могло сместить, и, скорее всего, сместило чашу весов.

Между Габриэлкой и Идой возникло очередное недопонимание, по сути своей, граничащее с конфликтом. Моя лучшая подруга на праздники вместе с матерью ездили в соседний район и там посетили ежегодную выставку селекционеров. Оттуда Ида прихватила небольшую иллюстрированную брошюру, которую в тот день принесла в школу, чтобы поделиться впечатлениями. Естественно, в первую очередь она прожужжала все уши Бену, а после продемонстрировала иллюстрации. Они вдвоем что-то читали, Бен спрашивал ее, она охотно отвечала. Меня растения и звери мало интересовали, даже те диковинные новинки, что предоставляли селекционеры, ну не мое это и всё. А вот Габриэлла, напротив, всегда тянулась ко всему новому и необычному, тогда эта злополучная брошюра привлекла ее внимание, и новенькая попросила разрешения посмотреть. Ида никогда не была в моих глазах буржуазной жадиной, ведь это понятие сугубо чуждое для нас. Но на просьбу одноклассницы моя подруга ответила отказом. Как же она сказала? Ну, вроде так: «Вряд ли я тебе дам этот журнал, потому как руки у тебя грязные, вечно что-то черное под ногтями и на ладонях. Ты ведь мне все перепачкаешь!»

Руки у моей соседки и впрямь часто были грязными, как я поняла, наличествовали следы какого-то мазута. Отец девочки со своей музыкальной группой сейчас выступал все меньше и в основном работал в районной автомастерской. Во время революции он был полевым механиком, и в мирное время добытые навыки емугодились. По выходным, иногда вечерами, Габриэлла помогала отцу, он ремонтировал авто, она подсобляла. Да, знаю, о чем вы подумали, будто работа в мастерской не соответствует образу инфантильной принцессы. Но, тем не менее, причина ее грязных рук мне была известна.

После резких слов Иды Габриэлла принялась вытирать ладонь о юбку, но, сами понимаете, без мыла и горячей воды это сделать не так просто. Через некоторое время моя соседка, оставила тщетные попытки очистить ладонь и, оглянувшись, вновь попросила журнал: «Ну, дай посмотреть журнальчик, я за краешек держать буду». Такого наглого и бесцеремонного ответа от Иды я не ожидала. Тогда ею были произнесены приблизительно следующие слова: «Я не хочу, чтобы этот журнал, стал похож на твой засаленный помятый блокнот. И вообще, настоящий пионер должен быть чистым, опрятным, примером для подрастающего поколения, а ты грязнуля».

Сразу после ее слов послышался комментарий Бена: «Что с тобой происходит, Ида? Я не понимаю, не узнаю тебя совсем!» На что она наклонилась к нему, что-то бормоча в свое оправдание. А бедняжка Габриэлла отвернулась, опечалилась, болезненно ссутулилась. Думаю, ее задела обидные слова Иды. Я, будучи истинным пионером, а значит, человеком высоконравственным, немедленно развернулась к Иде и, грозно посмотрев ей в глаза, произнесла: «Не стыдно тебе? Дай журнал посмотреть! Мне дай, если так переживаешь за его сохранность, мои руки чистые!»

Думаю, мои слова тоже повлияли, но, по всей видимости, решающей оказалась фраза Бена. Парень что-то сказал моей лучшей подруге на ухо, и та почти сразу же потянулась к Габриэлле. Похлопав ее по спине, Ида произнесла: «Извини, бери журнал. Бери же». Но, оскорбленная девчонка проигнорировала ее предложение. Вместо нее журнал ухватила я и, хмурясь, добавила: «Может, у нее грязные руки, но зато сердце чистое». Ида смотрела на меня с недо-

умением, медленно перетекающим в обиду. Да, не поддержала я лучшую подругу, и мне не стыдно за это, потому что я поступила по совести.

Подвигая свой стул к соседке по парте, я заметила, что та нервно теребит пальцами край пионерского галстука. По ее бледной щеке скатилась слезинка, упала прямо на перепачканные мазутом пальцы. «Я получила свой галстук заслуженно!» – всхлипывая, произнесла она. «Верю, не слушай Иду, она на твой счет заблуждается. Давай вместе журнал посмотрим?» Я подсунула пресловутую брошюру поближе к Габриэлле, но та не проявила к ней совершенно никакого интереса. Стало очевидно, что с девчонкой что-то не то, она как-то тяжело дышала, обхватив правой рукой грудь, как раз в области сердца. Мне стало страшно за нее, я придвинулась еще ближе, обняла за плечо и принялась обмахивать журналом, предложила сводить ее в медпункт, но соседка напрочь отказалась.

Я не на шутку испугалась тогда, слава революции, через минуту ей стало лучше, и мы уже рассматривали картинки с различными диковинными животными, среди которых наличествовали птицы, пресноводные рыбки, пестрые ящерицы, даже насекомые. Все это Габриэлла рассматривала не более чем с интересом, но настоящий восторг и умиление у нее вызвали изображения сумчатых хомячков. Да, животное, правда, необычное, размером со страусиное яйцо, оно имело пурпурную шерстку, длинные стоячие уши и забавную короткую мордашу. «Хороший, вот бы погладить его», – указывая пальцем на пушистый живот, произнесла девочка. Наконец-то она улыбалась, а в ее глазах вновь блеснул знакомый мне задорный огонек.

По поводу этих так называемых «крыльев» мне стало известно одним теплым февральским днем. Мы с Идой и Беном часто обедали в общепите «Бронзовый колокол», что на набережной, сидели у окон и любовались океаном. Глазели, как маленькие и большие морские суда бороздят серебристую морскую гладь.

Признаюсь, мои отношения с Идой с недавних пор стали чуток натянутыми. Меня, прямо скажу, раздражало, когда она все больше походила на свою мать. Нужно отдать должное Бену, ведь ему почти всегда удавалось повлиять на Иду, образумить ее, остепенить. На то время эти двое уже встречались, и я, порой, нарочно оставляла их наедине, дабы не мешать. Выйдя из кафе, я подошла ближе к набережной. Передо мной открывался потрясающий вид на широкий залив с небольшой бухтой и компактным причалом. Крохотная яхта как раз, отдав швартовы, уходила в плаванье, покидая уютную гавань. Помню, я пила бесплатный чай, да, именно бесплатный! Как раз в то время народ решительно взял курс на постепенную отмену бартера. Пока сохранялась зарплата, но уже многие товары можно было просто взять с прилавка за так. Естественно, я не наглела и брала эти бесплатные товары только тогда, когда в них возникала необходимость, да и все мои знакомые поступали так же. Всем, кого я знаю, эта отмена бартера пришлась по душе, добросовестно работаешь – получаешь достойное поощрение. Думаю, у людей буржуазной натуры так бы не получилось. Предполагаю, в первый день они бы вынесли с прилавков все бесплатные товары, набирая столько, сколько смогли бы унести.

Я решила допить свой чай со льдом в тени огромного эвкалипта на лавочке, попутно наслаждаясь прибрежными красотами. В поле моего зрения попала юная особа, одетая в короткое платье, причудливую шляпку с широкими полями и цветастые полосатые гольфы. «Габриэлла!» – вырвалось у меня вполголоса. Она сидела на одной из лавочек, совершенно одна, и занималась своим излюбленным делом – что-то черкала в своем потрепанном блокноте.

Подумав немного, я подошла и поинтересовалась у одноклассницы, не помешаю ли я, если составлю ей компанию. Девочка ответила, что моя компания ей всегда приятна. Я присела и, потянув через трубочку охлаждающий напиток, произнесла пару фраз о погоде. Мы немного поболтали о здешних красотах, водных скутерах, о яхтах. На мой вопрос, часто ли она здесь бывает, Габриэлла ответила утвердительно и добавила, что здесь ей лучше думается, легкий теплый бриз освежает мысли. Затем девочка задала мне аналогичный вопрос, и я, в отличие от нее, ответила более прозаично, что иногда прихожу сюда пообедать. В это время

раздался звонок моего коммуникатора, вытащив его из кармана, я убедилась, что это Ида звонит. Аккуратно выглянув из-за густых ветвей эвкалипта, царственно раскинувшегося позади лавочки, мне стало ясно, что они с Беном уже стоят на крыльце общепита, ожидая меня. Как-то не хотелось идти с ними, и я написала, в ответ, что у меня внезапно появились дела. Решив про себя, пусть Ида упрекает меня в индивидуализме, мещанстве и прочих смертных грехах, но сегодня мне больше не хочется с ней общаться. Получив мое сообщение, влюбленная парочка направилась куда-то в центр города.

Облегченно вздохнув, я под села ближе к однокласснице и по истечении небольшой паузы спросила, что она на этот раз записывает, и можно ли мне взглянуть. На что Габриэлла, одобрительно кивнув, протянула мне свой блокнот. На его обветшалых страницах моему взору предстали многочисленные формулы, записи, бегло сделанные зарисовки и таблицы, логарифмические, тригонометрические уравнения, которые, признаюсь, даже мне, человеку с математическим складом ума, сложно было разобрать. Почувствовав, а, скорее всего, увидев в моих глазах, некое замешательство, Габриэлла поспешила разъяснить суть написанного. После услышанного стало очевидно, что девочка готовится на ежегодную выставку школьных проектов. Ее инновационная идея затрагивает конструкцию автомобильного двигателя, тем самым совершая самую настоящую революцию в мире транспорта. У машины должны появиться некие крылья, магнитные подушки, позволяющие ей парить над землей. Ох, моя милая Габриэлла, она неисправимый мечтатель. Я крепко обняла ее за плечи и спросила на ухо: «А вдруг не полетит?» На что она, устремив взгляд к горизонту, ответила: «Полетит обязательно».

Как мне показалось, ее проект был сущей утопией, чем-то по-детски наивным и несерьезным, но она в тот миг была такой счастливой, что я не стала ее отговаривать. Вместо этого предложила посидеть в кафе и выпить бесплатный чай со льдом.

Бен

Ну, что здесь, собственно, скажешь, во всех конфликтах каждая противоборствующая сторона отстаивает свои интересы. Безусловно, конфликт этих двух девчонок спровоцирован конфликтом в обществе. Ида, под влиянием своей консервативной матушки и подобных ей, например, Ядвиги Прокопьевны, становилась защитником идеалов классического госкапитализма. И критически относилась ко всем народным реформам, среди которых и отмена бартера, и упразднение управляющих должностей, и уравнивание рабочих нагрузок. Габриэлла же воспитывалась в совершенно иной среде, родители ее с детства баловали свободомыслием, но при этом воспитали вполне нравственно по-коммунистически. Да, закоренелые скептики вполне могут разглядеть безнравственность в ее вызывающих нарядах, но мне на внешность плевать.

Кратко расскажу о себе. Зовут меня Беном, мне 15, я родился здесь в Австралии и вырос тоже здесь – на этих теплых песчаных пляжах Радостного района. Сколько себя помню, жил я у деда. Вон тот седоволосый чернокожий мужчина среднего роста – это и есть мой дед. Человек он добрый, нравственный, но может и поругать. В годы революции был пленным в нацистском концлагере в США, после вступил в партизанскую организацию «Красные рукава» и сражался, освобождая все человечество от капиталистической чумы. Сражались и мама с папой, оба, здесь в Австралии в рядах ЛРС (Леворадикального союза), освобождали это самое побережье от полчищ мерзких националистов. Но теперь родителей нет, остались лишь их фото, на которые я часто смотрю вечерами и невольно грущу.

Так вышло, что после нашей победы буржуйские недобитки, избежавшие правосудия, были вынуждены прятаться в здешних лесах, строя различного рода землянки. Порой они подворовывали, совершали налеты на продуктовые склады, чтобы добыть себе пропитание, а иногда устраивали диверсии. Чаще всего в таких случаях принимал участие человек из Свободного мира, своеобразный осведомитель, он-то и корректировал действия преступной группы. Помню, однажды таким осведомителем оказался директор склада, иной раз вообще человек партийный – член номенклатуры. Всемирному искусственному интеллекту М.А.М. часто удалось выследить этих предателей и в итоге выйти на всю шайку буржуазных мерзавцев.

Как-то раз группа подобных террористов заложила несколько самодельных взрывчаток под опоры железнодорожного моста. Взрыв произошел, как раз когда сверху проезжал пассажирский поезд. Сойдя с рельсов, он свалился в ущелье, почти все погибли, погибли и мои родители, ехавшие в третьем вагоне. Я был совсем маленьким, и долгое время не мог понять, куда так внезапно пропали родители. Дед с бабушкой меня приютили у себя, и всю правду рассказали, когда я уже подросток. Со временем бабушки не стало, и мы с дедом остались вдвоем.

Вы будете правы, если решите, что после всего пережитого я презираю классовых врагов. И смерть моих родителей основная, но далеко не единственная тому причина. Классовый враг поработал народ Земли, тысячелетиями его эксплуатировал, запугивал, мучил, обманывал, стравливал нас один против другого, лишал жизни. И когда справедливость восторжествовала, и их эра окончательно канула в историю, сами они, не желая жить по-новому, повсеместно ставили нам палки в колеса. Нет, нельзя с ними по-хорошему, нельзя.

Помню, как-то в начале этого учебного года смотрел познавательную передачу по телевизору. Как вдруг ее прервали прямым включением. Я сначала вообще не понял, что происходит. Потом до меня дошло, что это съемка с дрона. Он летел по лесу и снимал облаву на притаившуюся в северных лесах группу правых радикалов. Вдоль лесного массива шли люди и роботы как обычные гражданские, так и чекисты. Кстати, последних можно было легко распознать по длинным кожаным плащам и характерным головным уборам. Внизу экрана я прочел бегущую строку, которая гласила следующее: «Идет облава на группу опасных диверсантов в лесах Певчего района». Как же я тогда взбудоражился, подхватился, начал возбужденно бегать по квартире, стучал соседям в стены, выкрикивая, чтобы те немедленно включали телевизоры. Я смотрел на экран и видел, как народ подступает к предположительному месту дислокации

террористов. Человек двести, не меньше, обходили со всех сторон, сжимая в кольцо лесистый холм. Где-то там среди пней, густых кустарников есть едва заметная дверца, ведущая в недра землянки, кишашей омерзительными человекообразными паразитами. Возможно, они сейчас обсуждают очередную провокацию, вылазку или теракт. Святая революция, как же неистово я тогда прыгал по комнате, лицо мое пылало, а сердце едва не выскакивало из груди. Вот и оно – логово преступников! Скорее всего, подступы усеяны капканами и всевозможными ловушками, о которых ведомо лишь посвященным. Поэтому гражданские отстали метров на пять, пуская вперед опытных сотрудников ЧК. Наконец-то логово взяли в плотное кольцо, один из роботов громко выкрикнул: «Граждане преступники, к вам обращается представитель Чрезвычайного комитета по борьбе с враждебными элементами, согласно Воле народа, я требую от вас немедленно покинуть укрытие и сдаться в руки правосудия». От волнения у меня внутри все сжималось, вот-вот что-то произойдет, но что именно – никто точно не знал. Едва различимая замаскированная дверца землянки не отворилась. Гнетущая тишина продлилась около минуты, затем один из сотрудников ЧК взобрался на холм, с неким предметом, издав звук, похожий на перфоратор, он пробурил в почве отверстие и просунул туда длинный, тонкий шланг. Я попытался проследить, откуда же тянется этот шланг, но, к сожалению, след его терялся где-то в темноте среди кустарников. Видимо, у чекистов было что-то вроде тепловизора или рентгена, если они знали, где и на какую глубину бурить. Внезапно дверца распахнулась, и наружу повалил густой серый дым; кашляя, протирая глаза, из ее недр, подняв руки вверх, повалили люди. Хотя нет... не люди: их лица, обезображенные жадностью, жестокостью, высокомерием, равнодушием, эгоизмом, капиталистическим образом мышления, нельзя было причислить к человеческим. Меня охватил неистовый ужас, шок, когда я взглянул в их глаза, это уже не были люди, буржуазная правая идеология извратила их до высшей степени омерзения. Выскакивали в основном женщины, мужчины в потрепанных камуфляжных одеждах возрастом от 30 до 40, порой попадались совсем старые и седовласые. Всех их немедленно валили на землю и связывали по рукам и ногам.

Пользуясь дымовой завесой и всеобщим ажиотажем, из землянки наружу выскочила весьма приметная женщина в противогазе. Большая тетка, в черной короткой куртке, не будучи обескураженной, в отличие от своих единомышленников, она сразу же попыталась скрыться в ближайших кустах. Когда ей это не удалось, она взяла в заложники одну из гражданских женщин. Сняв противогаз, она обнажила смуглую голову, усеянную нацистскими татуировками, среди которых были и всевозможные коловраты, надписи вроде 14/88, символика «СС» и прочее. Она громко заявила, что прикончит несчастную, если ей не позволят уйти. Приставив нож к ее шее, она умело пряталась за спиной, увлакивая ее все дальше в лес. Помнится, подбежал к монитору телевизора, обхватил его руками и принялся трясти с криком: «Ну, стреляйте же в неё!» Но чекисты меня не услышали, они не стреляли, видимо, опасались за жизнь заложницы. Отойдя на достаточное расстояние, нацистка оттолкнула заложницу и бросилась наутек. Дрон летел прямо за ней, не упуская преступницу из поля видимости. Та была отлично подготовлена в физическом плане, превосходно знала местность: маневрируя среди деревьев, мчала, словно дикий вепрь. Но как бы быстро ни бежала преступница, уйти от ЧК ей не удастся. И вот уже в поле видимости дрона появились несколько фигур в кожаных плащах, за ними гражданские, вооруженные палками, дубинами. Один из роботов вырвался вперед и вскоре настиг бы убегающую нацистку, но та, не желая сдаваться, резко свернула вправо и сиганула со склона вниз прямо в бурлящую реку. Дрон немедленно полетел за ней, и... далее я увидел тело. Она приземлилась на скалы и, сломав спину, окровавленная валялась в неестественной позе. Я прикрыл ладонью глаза, поскольку никогда ранее не видел мертвого человека. М-да, от увиденного я отходил тогда весь день. Так вот, к чему я вам все это рассказал? Сколько бы себя ни спрашивал, мне эту отмороженную женщину не жалко. Пусть бы хоть трижды свалилась на скалы. Но мне было жалко людей, увидевших её кончину. Зря я тогда в стену стучал, призывая

соседей включить телевизор. Дорогие соседи, если вы читаете это, то простите меня, простите, что вам пришлось увидеть эту жуткую сцену гибели.

Но что-то я отвлекся, давайте вернемся к школе. Новый Свободный мир принимал все новые постановления, реформировал жизненно важные отрасли. Новшества коснулись и образования. Уже не было привычной должности директора, завуча, завхоза, управление перешло в руки преподавателей и, как ни странно, самих учеников. На заседаниях, касающихся учебного процесса, принимали участие педагогический коллектив, родительский и ученический. Пару раз выпала возможность выступить и мне, не помню точно, о чем я говорил, вроде тема касалась сменной обуви и верхней одежды, но ощущение было весьма приятное, я имел возможность высказаться, меня слушали и прислушивались, я чувствовал, что не просто винтик в системе, а полноценный мыслящий индивид. Здорово! А еще постепенно в течение учебного года отменили оценки, перекладывая оценивание успеваемости на совесть самих учеников. Вот это был отличный ход, увидев результат своей учебной деятельности, ребенок учился нести ответственность за ее выполнение. Многие мои знакомые за этот год из безразличных, легкомысленных детей превратились в рассудительных, мыслящих юношей и девушек.

Прямо впереди меня за первой партой весь этот год сидела новенькая ученица. Звали ее Габриэлла Гребская. Если вспомнить пословицу: «Встречают по одежке, провожают по уму», – то это как раз о ней. В первый день учебы у многих сложилось насчет нее крайне неоднозначное мнение. Вчера партия твердила о скромности и стандартизации внешнего вида, а сегодня эта девчонка перевернула все с ног на голову. Должен заметить, Габриэлла не была выскочкой: заносчивой, напыщенной, одиозной, тщеславной, наоборот, весьма скромной и сдержанной. Она не болтала попусту, но и не молчала, когда имела, что сказать. Когда многие безмолвно кивали, она заводила дискуссию с преподавателями, игнорируя неписаное правило: «Преподаватель всегда прав». За это ее и полюбил наш класс, уважал капитан Киттинг, за это ее возненавидела Ядвига Прокопьевна, и частично поэтому возникли разногласия с моей соседкой по парте.

Думаю, Ида, где-то в глубине сознания, сама желала походить на Габриэлли. Но губительные условия воспитания не позволили ее творческому потенциалу раскрыться полноценно. А еще ее мать, как только Ида все выдерживала? Стоило мне впервые посетить их жилище, как на меня посыпались намеки насчет моей прически, мол, дреды и мальчик с пионерским галстуком редко сочетаются вместе. Вообще, понять не могу, как длина волос и прическа способны повлиять на мои ультралевые взгляды? Тем не менее Ида не была точной копией своей матери. В этом я полностью убежден, поскольку достаточно долго просидел с ней за одной партой.

Впервые о ее конфликте с Габриэлкой мне стало известно еще в октябре месяце. Помоему, были какие-то недопонимания насчет внешнего вида, а также проявления индивидуализма. Естественно, как сознательный пионер и будущий коммунист я вмешался в этот конфликт, посчитав необходимым поговорить как с Идой, так и с Габриэлкой.

Первой я сказал, что Свободное общество состоит, прежде всего, из Свободных людей, не вправе один человек ограничивать свободу другого, если его действия не противоречат Воле Народа. Но если действие одного мешает полноценной жизни другого или других, молчать нельзя. Ида привела мне ряд доводов и примеров, касательно поведения новенькой. Да, возможно, где-то она была права. По поводу одежды, обнаженные ноги у подростка – вызывают нездоровые ассоциации у общества, провоцируя непредсказуемую реакцию. Возможно, но спорно, ведь многие в это время пропагандировали практику здорового тела, что подразумевало восприятие наготы не как табу, а как чего-то естественного. Следующий пример касался тех самодельных музыкальных инструментов, которые Габриэлла притащила на школьный вечер. С одной стороны, мы расслабились, поиграли; с другой – были школьники, отказавшиеся музицировать, и их времяпрепровождению мы, вероятно, мешали. Думаю, нам нужно было тогда найти консенсус, чтобы все остались довольны. Нам не хватает самоорганизации.

Капитан Киттинг прав, нужно срочно вводить систему открытого голосования, как у взрослых! Мудрый учитель творчества – капитан Киттинг как-то сказал: «Свобода – это не так просто, если ты к ней еще не привык».

С Габриэлой все было куда сложнее. Она не понимала, в чем суть претензий к ней. Да, наверное, изолированность от коллектива сверстников в какой-то мере сыграла свою роль. Мне пришлось не давить на нее фразами левых классиков, а вывести на диалог методом вопросов и рассуждений. Например: «А что если бы ты сделала так, какова могла быть реакция? А если бы по отношению к тебе так поступили?» Думаю, в чем-то я смог на нее повлиять, и в итоге конфликт хоть и не исчерпался полностью, но заметно поутих.

Хотя... тот случай с брошюрой с выставки селекционеров вновь разбередил старые раны. Когда мы с Идой любовались причудливыми творениями региональных селекционеров, Габриэлла также изъявила желание приобщиться к просмотру. Ответ Иды меня, мягко говоря, огорчил. Пусть хоть трижды этот журнал будет ценным, но не делиться им с человеком – это просто немыслимо! Да, я тоже заметил грязные пальцы, но, ведь мелочь это, а столько шума, столько негатива. Мол, у пионерки должны быть всегда чистые руки! Неужели? Личная неприязнь все еще не утихала. Я разочарованно произнес: «Что с тобой происходит, Ида? Я не понимаю, во что ты превращаешься?» Соседка наклонилась ко мне и пробормотала в свое оправдание, что журнал выпросила у матери, и та, скорее всего, ее поругает, если страницы перепачкают. Габриэлла вновь обернулась и, не оттерев дочиста ладонь, вновь попросила журнал. Вот горе луковое, мне так жалко ее стало, да любому бы стало ее жалко, вот только Ида не пожалела. Ответила отказом, да еще приплела сюда пионерские стандарты, мол, нужно быть опрятным и подавать другим пример. Габриэлла отвернулась, даже со спины было видно, как скрючилось ее тело от душевной боли. Помню, тогда вмешалась Хуонг, лучшая подруга моей соседки. Да и я не смог промолчать, выпалил Иде нечто вроде: «Представь сейчас себя на ее месте, а если бы с тобой так?» Она глядела мне в глаза, а я с упреком смотрел в ее, затем Ида потянулась вперед и, извинившись, предложила однокласснице злосчастный журнал. Видите, она не такая, как ее мать, той женщине была чужда эмпатия, а Иде нет.

Впервые о «крыльях» Габриэлы мне стало известно дождливым зимним вечером. Тогда по пути домой ко мне под зонт спряталась сначала Ида, а потом подкатила на самокате и Габриэлла. Поодиночке эти две девчущки не создавали хлопот, но стоило им сойтись в одном месте, как градус накала страстей медленно поднимался. Габриэлла что-то говорила про дождь, затем обмолвилась о каких-то странных вещах, мол, скоро машины должны взмыть в небо, как-то так. Это прозвучало чудно, и я уточнил, как такое вообще возможно, тем более в ближайшем будущем? В ответ девчонка заверила, что разработала проект, и планирует реализовать его на школьной выставке. Инновация заключалась в разработке вместо колес своеобразных антигравитационных подушек. Я уже видел, как расплывается в ироничной улыбке лицо Иды. Не успев вставить очередную реплику, услышал ее комментарий. Относясь к идее Габриэлы скептически, Ида посоветовала подойти к этому мероприятию по-взрослому.

Габриэлла действительно была необычным подростком, даже слегка странным. Но, заверяю вас, сторониться или опасаться ее не было совершенно никаких причин. Я даже больше скажу, общаясь с ней, можно было получить определённый заряд креатива и почерпнуть идеи для творчества. Человек с таким неординарным мышлением должен, даже обязан задавать темп остальным, освежать их идеи, выводить из патовой ситуации. Подумав, я добавил, что поддержу ее проект, каким бы утопичным тот ни казался, но одно дело я, а другое дело оценочная комиссия, пожелают ли они выделить народные средства. По всей видимости, одноклассница не теряла надежды, и повлиять на нее было не в моих силах.

К слову, в тот же вечер Ида предложила мне встречаться, и без доли сожаления я согласился. Девчонкой она была неплохой, не считая некоторых нюансов, но в будущем, я думаю, смогу оказать на нее благотворное воздействие. Да, еще я взял с нее торжественное обещание,

невзирая на все, впредь радушно относиться к Габриэлле. Да, настороженность к непохожим на него людям заложена у человека еще с животного мира, далеко не нужно ходить, взять хотя бы так называемых белых ворон. Но в нашем обществе есть место всем «белым и черным воронам», и любая дискриминация резко осуждается. Мы пожали друг другу мизинцы, устно скрепив сей договор. Наперед забегая, скажу, что она порой бывала сложным человеком, но я находил к ней подход.

Время катилось незаметно, и нужно было спешить жить, ведь в нашем возрасте ценно каждое мгновение. Проходили первые заседания школьного коллектива, мы выдвигали новые правила, предложения, голосовали за них. Сами запретили в помещении школы кататься на скейтах и самокатах. Строго запретили портить школьное имущество, а если вдруг испортишь – обязан починить. Ввели добровольное участие в самодеятельности, и право выбирать список уроков, которые желаешь посещать.

Один из наших преподавателей капитан Киттинг как-то сказал: «Когда дети решают, чего они хотят, они движутся быстро, как ракеты». Эта фраза касалась учебного процесса, когда ребенок хочет изучать литературу, он будет читать самостоятельно, даже больше, чем ему задают преподаватели. В этом я убедился сам. Я за месяц прочел произведения, которые нужно было освоить за полгода. А еще я люблю органическую химию, воздействовать реактивами на органические вещества, различные углеводы, жиры. Преподаватели меня консультируют, интересуются успехами, дают новые задания, а иногда задания я выбираю сам. Кроме успеваемости, стоит отметить такие плюсы, как рост степени демократии, отсутствие хулиганства, активное участие в жизни школы. И это, я вам скажу, пригодится нам больше во взрослой жизни, чем авторитарная дисциплина, с ее школьной формой и дурацкими ограничениями. Согласны? Кстати, после закона об отмене школьной формы, я несколько раз замечал капитана в шикарной черной пиратской шляпе, многих детей это забавляло. Хех, да, его уроки поражали своей неординарностью. То он выводил нас во двор и просил походкой изобразить разные состояния души, то изобразить жестами чье-то имя, либо сыграть на барабанах какую-то эмоцию. Помню, задание, описать словами небо, листик, кору, песчинку, воздух, дым. Еще поражало задание нарисовать запах, не его источник, а вообразить его образ, цвет, тон. Просил придумать самую бредовую, абсурдную, смешную идею, методы воплощения, а потом логически обосновать ее целесообразность. Многим нравились его уроки, многие ждали их с нетерпением, лишь Ядвиге Прокопьевне это казалось пустой тратой времени, об этом она имела неосторожность обмолвиться матери Иды, а Ида передала мне.

Относительная идиллия, позитивный динамичный темп моей жизни был нарушен 18 февраля. Как раз в этот день проходило заседание комиссии по рассмотрению школьных проектов. В этом году я никаких проектов не готовил, хотя пару лет назад мой фильтр для водоемов со стоячей водой произвел на выставке приятное впечатление. В тот день должен был пройти условный отбор достойных проектов, но, как правило, проходили все, и лишь изредка, некоторые отправлялись на доработку и повторно рассматривались в середине весны. Сама работа над проектом проводилась ближе к лету, все материалы и инструменты предоставляла школа. Над проектами трудились сообща все ученики, независимо, подавали они заявку или нет. А ежегодная выставка проводилась уже в августе на следующий учебный год. На этот раз из нашего класса, из двенадцати человек, свои проекты демонстрировали трое. Один мальчишка с чертежом квадрокоптера, по-моему, неплохая работа. Ида замахнулась на усовершенствованную сенсорную коробку передач для полноприводных грузовиков. Ну и Габриэлла, конечно же, с невероятной идеей создания антигравитационных двигателей. В то время как у остальных детей теоретический материал находился в электронном виде на голографических носителях, у Габриэллы все поместилось в ее помятом блокнотике. В то утро она казалась такой счастливой, выглядела опрятно и со вкусом одетой, да, думаю, она ждала этого момента целый учебный год.

В просторном холле школы собрались почти все ученики, усаживались на подоконники, лавки, но большинство облюбовало мягкий цветастый ковер. Дети пришли, чтобы морально поддержать участников будущей выставки проектов. В дальней стороне разместили стулья, столы, компьютеры для членов оценочной комиссии.

Процедура проходила, как обычно, имела оттенок праздничного мероприятия. Все дети были в приподнятом настроении, нарядные, как на последнем звонке. Лишь Ида заметно нервничала. От нее я узнал, что накануне мать крепко настрашала ее, пригрозила серьезной выволочкой, если ее проект не пройдет отбор. Поэтому моя подруга ночь не спала и выглядела подавленно. Я прижимал ее к себе, шептал на ухо что-то позитивное, глядел, как Габриэлла, собрав возле себя несколько человек, возбужденно рассказывала им о своем проекте. Многие улыбались, кто-то откровенно не верил в успех столь утопического проекта. Тогда девочка направилась к доске и принялась что-то чертить мелом, естественно, почерк оставлял желать лучшего, ей приходилось попутно пояснять написанное. Кто-то из присутствующих произнес, что это противоречит законам физики, что нельзя побороть гравитацию таким образом. Габриэлла снова что-то чертила, рассказывала, объясняла на пальцах, но, признаюсь, человек неподготовленный мало что мог понять из ее слов. Комиссия прибыла, заняла места, это были бодрые, энергичные люди и роботы, с располагающими к диалогу улыбочивыми лицами. Жестом они позвали к себе первого ученика. Все мы глядели, как он с ними общается, демонстрирует чертежи, фото, зарисовки, объемный голографический макет.

Краем уха я слышал разговор сидящих неподалеку Габриэллы и Хуонг, последняя говорила соседке по парте, что, возможно, не стоит торопиться с проектом. Мол, у других вон какой уровень подготовки: и объемная модель, и чертеж, и все расчеты выверены. Хуонг предлагала подруге повременить, доработать, и явиться на следующий год. Но Габриэлла не понимала, зачем ей тратить год: да, не было достойного чертежа, нет объемной модели, а лишь зарисовки, но основной костяк проработан. Первый участник отбора уже вернулся, его работу оценили и утвердили, он очень радовался, утопал в объятиях одноклассников и друзей.

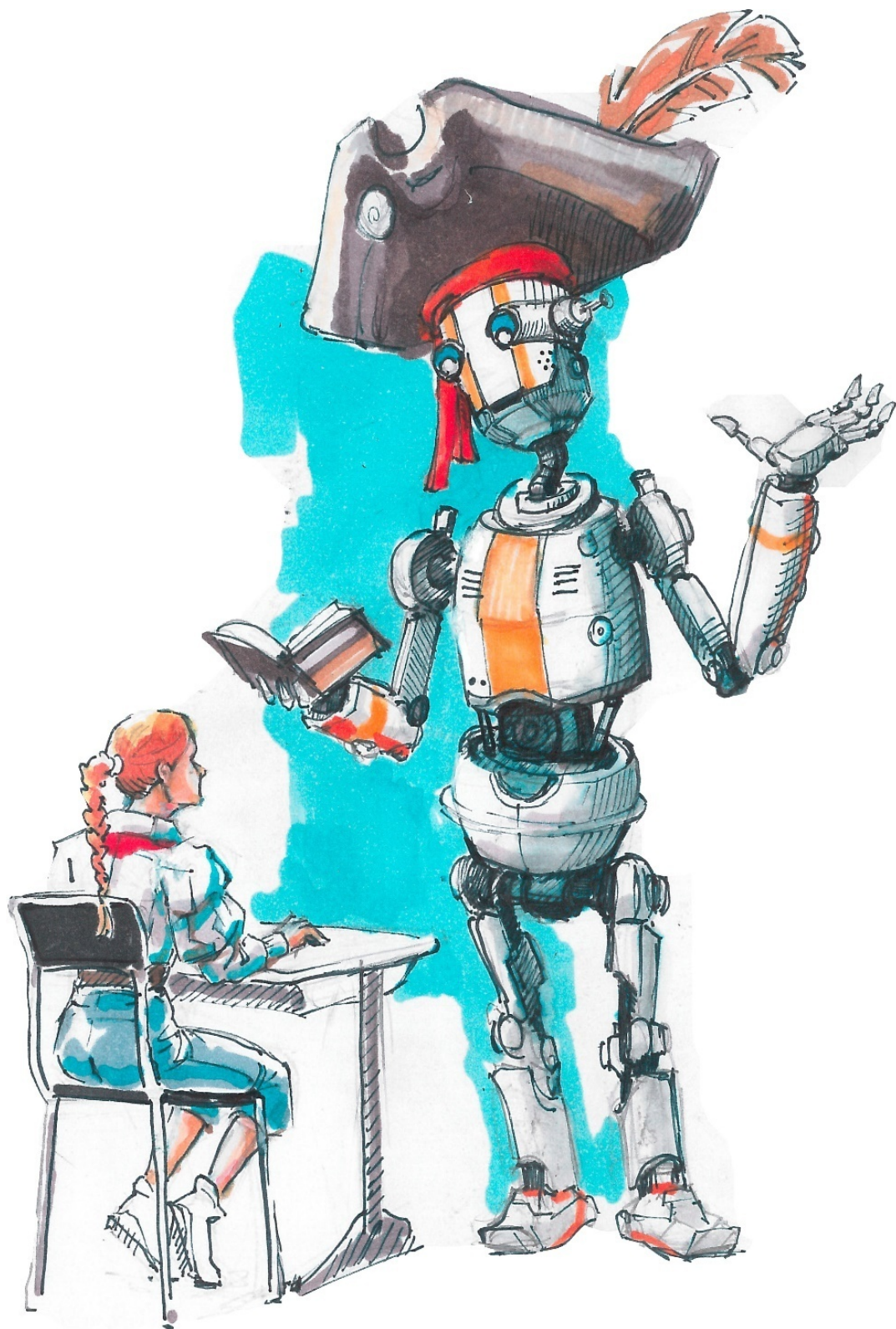
Я не знаю, как произошло то, что произошло, потому как в тот момент отошел поговорить по телефону. По возвращении я ощутил некое напряжение, царящее в холле. Ученики метались в стороны, кто-то растерянно стоял, недоумевая, из-за чего произошел такой переполох. В центре происходящего, как не странно оказалась Габриэлла. Она бегала встревоженно от стула к скамье, просила присутствующих подвинуться, привстать, потом принялась задирать ковер. Я подбежал к ней и, взяв за руки, спросил, что произошло, девочка ответила, что пропал ее блокнот. Я никогда ее такой не видел: взгляд, обезумевший от отчаянья, аккуратно причесанные волосы взъерошились и спадали на лицо, ее крохотные руки дрожали, будто от холода. Послышался голос Хуонг, она громко обращалась к Габриэлле: «Может, ты вспомнишь, где его оставила? Может, за креслом, где ты сидела?» Габриэлла подбежала к креслу и принялась снимать подушки, швыряя их в стороны.

Этот ажиотаж привлек внимание преподавателей и даже членов комиссии. Собрались все, даже капитан Киттинг. Дружно обыскав помещение, нам не удалось обнаружить пресловутый блокнот. И тогда Габриэлла, пристально взглянув на мирно сидящую в кресле Иду, угрожая произнесла: «Это ты... ты его взяла. Верни немедленно! Верни мне мой блокнот!» Изумленная таким обвинением Ида окинула взглядом всех присутствующих и взволнованно произнесла: «Да что ты несешь! Не брала я его, клянусь тебе! Да ты сама его где-то забыла!» Но Габриэлла не поверила этим оправданиям, думаю, что-то перемкнуло в ее голове, и она с кулаками набросилась на одноклассницу. Слава революции, нашлись дети, которые вовремя сдержали ее. Буржуй меня побери, как же неистово она вырывалась, билась в истерике, бранила Иду всеми нецензурными словами. Трое преподавателей тотчас же принудительно отвели ее в медпункт, а мою девушку, невзирая на мои протесты и доводы, заставили вывернуть карманы, выложить содержимое сумки, даже обыскали. Но ничего не обнаружив, принесли извинения.

Униженная и разбитая Ида едва стояла на ногах, я крепко прижимал ее к себе и слышал слабый, едва слышный шепот: «Я не брала ее блокнот, я не вор». Опросы свидетелей и поиски злосчастного блокнота не прекращались еще часа два. После все же решили продолжить заседание.

Шли домой молча. Ида защитила свой проект, но абсолютно никакой радости от этого не испытывала. Когда попытался с ней заговорить, опередила мою фразу и нервно выпалила: «Я не крала его, клянусь тебе всем, чем хочешь, Бен, мне он не нужен!» Я сказал, что верю ей, правда ей верил, да она не любила Габриэллу, да, у них был конфликт и разногласия, но Ида не воровка, это ниже ее принципов. Я знаю, я сидел с ней за одной партой все школьные годы. Но куда же делся этот блокнот и зачем кому-то понадобился, может и правда Габриэлла сама забыла его где-то, например, в уборной? Кстати, ее в тот день мы больше не видели, сказали, что за ней приехал отец и забрал домой.

На этом инцидент не исчерпался. Габриэлла не появилась в школе на следующий день и через день, и спустя месяц. На телефонные звонки она не отвечала, не появлялась в социальных сетях, преподаватели что-то знали, но умалчивали. Кто-то из учеников ходил к Габриэлле домой, но та, по словам родителей, не желала общаться. Одноклассники, поддавшись заблуждению, заочно обвиняли в этом Иду, не общались с ней, а некоторые даже не здоровались. Не бросили ее лишь Хуонг и я. Пришла пора работать над проектами, нам выдали бланки для сметы, которые нужно было заполнить. Выдали всего два бланка вместо трех, поскольку проект Габриэллы так и не был оценен комиссией. Ума не приложу, где мог пропасть блокнот, кто этот загадочный вор и каковы его мотивы?

Капитан Киттинг

Уважаемый читатель, наверняка тебе непросто представить, как робот может работать в школе учителем, еще и вести такой сложный предмет, как творчество. Поспешу развеять твои сомнения. Все антропоморфные роботы внешне очень похожи на людей, а роботы гиганты, к которым отношусь я, наделены совершенным саморазвивающимся интеллектом, в том числе и эмоциональным. Моими непосредственными создателями были простые, бесхитростные люди: технологи, программисты, инженеры; и никаких негативных качеств они в меня не заложили. Столь высокий интеллект развили в нас еще капиталисты, чтобы облегчить взаимопонимание между ними (хозяевами) и нами (их собственностью).

Я – робот, сейчас в Свободном мире утверждение это звучит гордо, так же, как и утверждение: «Я – человек». Я – капитан Киттинг, и мои механические братья, сгорая в пожаре социалистической революции, отвоевали для себя равные с людьми права. Теперь мы вместе работаем, дружим, путешествуем, отдыхаем после работы, попивая бесплатные энергетики для роботов, витаминизированные напитки и бесплатные закуски для людей в прекрасном уютном кафе «Невеселый буржуй». Вечером здесь, как всегда, многолюдно, полным-полно как людей разных национальностей и рас, так и всевозможных роботов. Сажу я сейчас за стойкой с коллегой преподавателем, обсуждаем итоги учебного года, глядя, как мерцает за спиной работа-бармена неоновая вывеска. Красивая женщина-робот кладет свою механическую руку мне на плечо, делает комплимент моей большой черной пиратской шляпе, попутно зовет потанцевать. Я слишком задумчив, чтобы согласиться, а вот мой чернокожий коллега соглашается вместо меня, и в следующие пять минут я с улыбкой наблюдаю, как они режутся на танцплощадке под ритмы ред-диско техно-данс.

Смотрю на них, а сам в это время мысленно очень далеко – в начале этого учебного года. Пришла в нашу школу одна интересная девочка, после длительного домашнего обучения, связанного с ее проблемами с сердцем, социализация ее проходила крайне медленно и тяжело. Крайне болезненным для меня стал итог ее непродолжительного пребывания в школе. Училась она очень хорошо, с энтузиазмом, добилась больших успехов в моем предмете. Загадочная пропажа ее блокнота подкосила хрупкое здоровье и поставила крест на школьном обучении.

Я смотрю на танцующего коллегу и задаю себе вопрос: «А зачем я дал Габриэлле тот злосчастный блокнот?»

Дело было в начале учебного года, я, как обычно, любил в выходные дни наведаться домой к своим ученикам и посмотреть, как те живут, что делают, чем интересуются, заодно прочувствовать атмосферу, царящую у них в семье.

В то воскресенье я планировал побывать у Иды. Несомненно, девочка была круглой отличницей, уверенной, напористой, но в то же время авторитарной и даже надменной. Стоило пообщаться с ней и ее матерью, женщиной, в прошлом занимавшей престижную должность в коммунистической партии.

Сразу заметил для себя, что в их доме довольно чисто, убрано, доминирует мебель в стиле конструктивизма, все обставлено довольно консервативно и минималистично. С матерью Иды мы пообщались на кухне, должен заметить сразу, женщина она несговорчивая, жесткая, на все имеющая свое мнение, при любой удобной ситуации оперирующая цитатами из марксистско-ленинских учений. Да, наверное, она искренне верит в то, что говорит, и также искренне не верит в общество, вероломно свергнувшее коммунистическую партию. Наверняка при партийном правлении жизнь этой женщины была лучше, насыщеннее, веселее, а сейчас по ее самолюбию нанесен непоправимый удар, она обычная женщина, как и все, обладает такими же правами и обязанностями. Ненавязчиво я порекомендовал ей посмотреть на ситуацию в мире глазами других людей и не принимать так болезненно и близко к сердцу отмену партии, бартера, руководящих должностей на предприятиях, добавил, что в конечном счете к этому и стремится коммунист. Каким путем он бы ни шел – марксизма-ленинизма или анархо-коммунизма – отмирание государства, иерархии, денежной системы – это неизбежный финал. Не

знаю, насколько повлияли на нее мои слова, но я, по крайней мере, попытался наладить с ней контакт.

Закончив разговор с главой семейства, я попросил разрешения пообщаться с самой Идой. Девочка сидела у себя в комнате и занималась. Судя из личной беседы, далеко не все предметы ей одинаково нравились, но под давлением матери девочка готовилась ко всем очень усердно, хоть и без энтузиазма. В ее большой комнате был порядок, стол стоял у окна, здесь же располагалась полка с электронными книгами и два больших мощных компьютера, как сама Ида пояснила – для учебы. Полки на стенах поражали обилием сувениров из разных уголков света. Не вызывало никакого сомнения, что девочка много путешествовала и при малейшей возможности любила этим кичиться.

– Как дела твои, Ида?

– Нормально, то есть хорошо, капитан Киттинг.

– Не хочешь отдохнуть, во дворике посидеть поболтать? Погода хорошая. – Спросил я, указывая в окно, откуда с улицы в комнату лился теплый, солнечный свет, и тихий рокот проезжающих футуристических автомобилей.

– Нет, мне учиться надо, если пойду гулять с невыученными уроками, мама мне целую нотацию прочитает.

– Ясно, ну ты свои границы тоже отстаивай, если устала, то хоть отдохни.

– Спасибо, капитан Киттинг, я не устала, – поворачиваясь к монитору и уставившись в текст по тригонометрии, ответила Ида. Я понял, что общение наше будет не таким радушным, как я его рисовал в своем воображении.

– Как тебе ваша новенькая, Габриэлла? – решил спросить я прямо. Ида аж подскочила в кресле, будто я уколол ее в пятую точку.

– Да, обычная девочка... Как по мне, она зазнается, правда, но это пройдет, верно?

– Возможно... Слушай, Ида, а она не инфантильная? Не мещанка? Не индивидуалистка?

От моих вопросов Ида вжала голову в плечи, и я заметил, как побагровели ее щеки. Девочка поняла, что мои слова в точности повторяют сейчас ее фразы, которыми она в той или иной ситуации характеризовала новенькую. Ответа на свои слова я не дождался. Ида все так же сидела спиной ко мне и читала текст на экране, хотя, скорее всего, делала вид, что читала.

– Я вот подумал, может, сможешь ей освоиться в школе? С Хуонг они вроде сдружились, а как насчет тебя? Поддержишь ее первые шаги к социализации? – спросил я Иду в надежде на понимание. Та в ответ лишь кивнула, но что-то подсказывало мне, что не станет она этого делать.

Пообщавшись на отвлеченные темы, я попробовал разговаривать ученицу, но, видимо, допустил ошибку в общении и упустил свой шанс.

Вышел на улицу и достал старомодный блокнот, щелкнул ручкой, решил сделать заметки. Постоял минут пять на автобусной остановке, так и не придумал, что написать об Иде. Ясно было, что Габриэлла ставила под вопрос статус Иды в школьном коллективе и вообще всю сложившуюся в классе иерархию. Впрочем, иерархия не совсем то слово, это сильно сказано, все дети были равны друг перед другом, это факт, только вот Ида считала себя чуть выше других, считала, что у нее есть привитое от матери право поучать, раздавать советы, критиковать и поощрять.

Я дождался общественного транспорта и, не сделав ни одной заметки в блокноте, снял пиратскую шляпу и сел в салон. Природа и климат Австралии уникальны. Здесь, на юго-западном побережье, жаркое сухое лето и прохладная влажная зима обусловлены средиземноморским типом климата. Помню, тогда была осенняя пора, длится она у нас с марта по май, характеризуется мягкой погодой, постепенным снижением температуры и красочным преобразованием природы. Автобус медленно катился вверх по ухабистым извилистым улочкам, мимо утопающих в утреннем тумане холмов. Углубляющаяся в лесные дебри дорога становилась

все хуже, и автобус часто трясло и покачивало. За окном проносились высокие дубы с желтеющей листвой, аккуратно подстриженные кустарники. На миг взору предстало здание на холме, по всей видимости, строился то ли планетарий, то ли обсерватория. От завораживающей местности, по которой я ехал, преодолевая крутые подъемы и спуски, исходило некое необъяснимое чувство тоски или даже уныния. Взгляд заплывали все новые и новые пейзажи, причудливые жилые строения, загадочные лесные рощицы, желтеющие луга, и небольшой кристалльно-прозрачный водоем, над которым мы проехали по старинному каменному, поросшему виноградной лозой, мостику. Автобус ехал вдоль улицы Лесистой, да, название свое она получила неспроста, ведь одинокие здания здесь чередовались с густыми эвкалиптовыми и хвойными парками, данный эффект дополняли кустарники и мелкие деревья, растущие на крышах и балконах жилых домов. Без особого труда поднявшись на пологий холм, автобус завернул за угол большого здания и, проехав еще метров сто, остановился на пяточке.

Прохладный майский ветерок обдал мой корпус, когда я покинул салон. Пройдя вдоль Лесистой улицы, я заметил бледно-зеленый двухэтажный домик с коричневой крышей, он немного выделялся на фоне остальных строений, потому как стены его были изрисованы яркими, разноцветными рисунками. В прилегающем к домику саду был холм с увядающей от надвигающихся холодов клумбой, аккуратно подстриженные кустарники, дорожки между которыми были посыпаны мелкими белыми камушками. Если смотреть на дом спереди, то по правую руку от него рос огромный старый дуб, среди ветвей которого, присмотревшись, можно было увидеть небольшой деревянный домик.

Вот она, Габриэлла, – силуэт ее на мгновение мелькнул в окошке домика на дереве. Оттуда слышался гул шуруповерта, стук молотка и детское кряхтение. Когда я вошел во двор Гребских, дверца небольшого деревянного здания скрипнула, и наружу показалась чернявая голова девочки.

– Это ты, капитан Киттинг! Рада тебя видеть! – Габриэлла выбралась наружу, встала на деревянном балкончике. Одеты она была в дутую бежевую обрисованную цветными маркерами курточку, синие резиновые сапоги и яркие оранжевые броджи на подтяжках, примечательно было то, что одна штанина показалась мне заметно короче другой, сантиметров так на пятнадцать. Габриэлла прикрыла дверцу домика на дереве и спустилась на газон, словно пожарник, по металлическому шесту. Она подбежала ко мне, остановилась на миг, посмотрев мне в глаза, и обняла.

– А ты пришел к родителям? Маман как раз в больнице, папка к ней собирается. Меня вот дома оставляют за старшую.

– Правда? А что с мамой? Очень надеюсь, что ничего серьезного! – спросил я с горечью в голосе.

– У нее пальцев нет на ногах, они... их ампутировали еще во время революции. Отмерзли они. Так вот, сейчас... – Габриэлла говорила сбивчиво и нескладно, было видно, что ей больно об этом думать, и я не стал настаивать на продолжении рассказа. Тем более что через мгновение из дома вышел отец семейства, крупный бородатый мужчина с длинными русыми волосами, собранными в хвостик. Он-то мне и рассказал, что дожидался меня все утро, не хотел брать в больницу Габриэлла, по крайней мере, не сегодня, ведь Кристен, матери семейства, должны сегодня-завтра сделать подготовительную операцию по восстановлению пальцев ног. Процедура весьма сложная, неприятная, но абсолютно бесплатная, хотя бартер в то время еще имел место быть.

Тадеуш, отец семейства, нацепил рюкзак на спину и сообщил, что планировал оставить Габриэлла на меня, добавив, что она девочка вполне самостоятельная. Габриэлла напоследок поинтересовалась у отца, когда выпишут маму, он развел руками, ответил, что пока неизвестно.

Меня эта новость не порадовала. Конечно, мне интересна была компания Габриэллы, но, во-первых, у меня еще наличествовали планы на вечер, а во-вторых, хотелось бы также пообщаться и с родителями ученицы.

Заметив мою неуверенность, Тадеуш пообещал уладить дела в больнице до обеда и вернуться пораньше. Он сложил руки на груди в молитвенном жесте, попросив меня побыть с его дочерью хотя бы до полудня.

Заревел двигатель мотоцикла, и Тадеуш, помахав нам рукой, покинул зелёный уютный дворик. Его трехместный байк, на котором они частенько катались всей семьей, вскоре завернул за угол и скрылся из виду, а Габриэлла устало вздохнула. Она повернула ко мне свое бледное лицо и сказала:

– Жаль, что меня не пускают к маме. Родители не хотят, чтобы я волновалась.

– Да, очень жаль. А тебе одной дома не скучно?

– Нет, я... привыкла. Тем более, я не одна, там в домике на дереве мой друг, мы с ним иногда общаемся.

– Да? Это человек или нет? – спросил я, догадываясь, что наверняка речь идет о какой-нибудь игрушке.

– Ох, нет, это паучок. Небольшой и безобидный, прекрасный слушатель. Я пока не дала ему имени.

На приглашение девочки посетить домик на дереве, я вежливо отказался, не так хорошо я лазил по канатной лесенке, да и габариты мои были для этого домика слишком уж велики. Потому мы прошли в дом, посидели, попили чай, вернее, она пила чай, а я энергетик для роботов. В разных уголках дома я заметил поразительное количество недорогих, потрепанных, но все еще красивых плюшевых, деревянных, пластиковых игрушек, настольных и интерактивных игр, художественных и научно-популярных книг, учебников. В доме Гребских негромко играла музыка, Габриэлла, хоть вокальными данными и не обладала, но активно подпевала.

– А парк аттракционов хочешь посетить? Там есть колесо обозрения, его видно из моего домика на дереве! – спросила меня девочка, заметив, что очередная пауза в нашем разговоре угрожающе затянулась. Не знаю, почему я согласился, это было не самое обдуманное решение, но через полчаса мы уже шли по мокрой от утреннего дождя улочке. Габриэлла не унималась и рассказывала, как она справно помогает на работе папке, так она называла отца. Кристен, работала в тату-салоне, туда девочку брали редко, а Тадеуш в автомастерской, где школьница регулярно пропадала на выходных. На мой бестактный вопрос по поводу ее оранжевых бриджей, почему одна штанина короче другой, девочка ответила, что укоротила ее сама. Та была безнадежно перепачкана внизу мазутом, а так ее одежда не просто чистая, а еще и уникальная, крафтовая.

Роботы и дети наполняли смехом и гулом каждый уголок парка аттракционов. Габриэлла довела до моего сведения, что она с родителями изредка бывала в этом парке и каталась на разных аттракционах, почти всех, кроме умопомрачительной «Орбиты», бешеных, на мой взгляд, американских горок «Квантовый скачок», ужасающего «Дома страха» и «Колеса обозрения».

– Может, на колесо обозрения? Поглядим на весь Доброжелательный район, – предложил я, но девочка поморщилась, поправляя воротник дутой обрисованной маркерами курточки, сморкнула носом и сказала, что ей нельзя на таких аттракционах кататься, это может быть опасно для сердца.

– А если не в одиночку, а со взрослыми? В этом колесе обозрения такие с виду надежные фуникулеры, только погляди, крепкие, застеклённые, ты высоты боишься?

– Не стоит рисковать, капитан Киттинг. У меня «бракованное», больное сердце, такой уж я родилась. Может что-то попроще выбрать, автодром или локомотив? – ответила Габриэлла, с грустью поглядывая на колесо обозрения. Она проследовала вперед, шагая по лужам в синих резиновых сапогах. Я достал блокнот, и ручку, думал сразу сделать пометку, но что напи-

сать? Про «бракованное» сердце? Эти слова больно аукнулись в моей металлической голове. Я повертел в руке черную шариковую ручку и, заметив Габриэлла возле ларька со сладкой ватой, спрятал письменные принадлежности в сумку и поспешил за ней. Я давно не катался на машинках, последний раз еще до революции, когда был роботом-няней для двоих избалованных буржуйских отпрысков в русском городе Санкт-Петербурге. Маняша и Павлик, их стройный высокий отец блондин в очках с черной оправой и невысокая кучерявая мать, с кучей силиконовых имплантов – их образы так и застыли у меня перед глазами, интересно, живы они или нет? Что с ними стало?.. Тяжело о таком думать... И зачем я об этом вспомнил? Габриэлла засмеялась: от удара о соседнюю машину, которой неумело управлял десятилетний конопатый мальчишка, сладкая вата выпала из ее рук и прилипла к лицу, что вызвало у нее еще больший смех. Я же едва помещался в узкой машинке и старался ездить аккуратно.

На локомотив ни меня, ни Габриэлла не пустили. Женщина-робот с круглой головой и вытянутым корпусом, усаживала совсем уж маленьких детишек в разрисованные яркие вагоны, и, глядя на хоть и не высокую, но все же девятиклассницу, сказала, что ни нас двоих, ни одну ее она прокатить не сможет, ведь в очереди, переминаясь с ноги на ногу и хныкая, дергая родителей за руку, локомотива ждут десятки малышей.

– Пойми меня, товарищ-машинист, она тоже ребенок. У нее здоровье... – обращался я к женщине-роботу, когда та садилась в кабину, – на взрослых аттракционах ей нельзя.

– Гражданин пират! – ответила она, глядя на мою большую черную шляпу. – Да ей неинтересно будет в этом локомотиве. Это же для совсем маленьких.

– Ей будет интересно, очень даже. Уж поверь! Она очень заинтересована в... – я обернулся, разыскивая взглядом Габриэлла, но ее рядом не оказалось. Когда она успела улизнуть, и где она сейчас? Женщина-робот, заметив мое замешательство, кивнула в сторону колеса обозрения. Там я и заметил стоящую в стороне от очереди фигуру в дутой бежевой курточке, разрисованной маркерами.

– Не убегай так от меня, я чуть на запчасти не посыпался, когда не обнаружил тебя рядом, – попросил я, подходя к девочке.

– Извини, капитан Киттинг. Я сказала, что к колесу отойду, просто ты был так увлечен спором с той женщиной-роботом, что, наверное, не услышал меня, – виновато посмотрела на меня девочка.

– Чего стоишь тут? Покататься решила?

– Не знаю, просто слушаю комментарии выходящих из фуникулеров. Может, у них плохие впечатления остались после этого аттракциона, хочу убедить себя, что это вовсе не так захватывающе, как может казаться со стороны.

– Да? И как успехи? – спросил я. Ответом для меня были восторженные отзывы двоих детишек, обращенные к матери. Троица покидала фуникулёр в приподнятом настроении, дети восторгались, говоря, что с самой вершины видно даже океан. Габриэлла провожала взглядом взволнованных, переполненных эмоциями детей и их довольную мать, при этом у самой девочки на лице читалась неподдельная тоска.

– Может сладкой ваты еще купить? – грустно спросила меня Габриэлла, доставая из кармана своей курточки мелочь.

– Пойдем, – сказал я, положив длинную механическую руку ей на плечо. И повел ее, но не к ларьку с ватой, а к очереди на колесо обозрения.

– Там на высоте совершенно нестрашно, просто смотри не вниз, а вперед перед собой, фуникулеры не раскачиваются и не скрипят, и тем более не падают, а я с тобой буду. Вместе с высоты полюбуемся районом, идет? – спросил я, и девочка, сутулясь и прикусывая губы, молча кивнула. – Страх и неуверенность, они лишь у тебя в голове.

– Тебе, капитан, легко говорить, у тебя вон какая шикарная пиратская шляпа, – прокомментировала Габриэлла, я так и не понял, при чем тут шляпа, но поспешил поддержать разговор.

– О! Шляпа, а ты знаешь, сколько мне пришлось отстаивать право носить эту шляпу? Сколько консервативное партийное руководство школы и такой же преподавательский коллектив травили меня за нее? Грозилась даже уволить за мой внешний вид, но я смело переборол их всех и ношу свою шляпу с честью и гордостью. Это символ победы моего свободомыслия над их авторитаризмом и конформизмом. Ну и над моими собственными страхами. Ах, так это совсем непростая шляпа, это подарок от одного известного пирата, – соврал я. – Она помогает побороть все страхи. Вот давай-ка я дам тебе ее примерить, надевай! – сняв пиратский головной убор, протянул его девочке. В ее руках шляпа казалась гигантской, а надев ее на голову, девочка почти полностью лишала себя обзора, потому что придерживала край шляпы руками. Мы сели в фуникулер, и тот медленно стал поднимать нас вверх.

– Смотри, красота какая, и, правда, здорово. И совсем не страшно, верно?

– Да, – улыбаясь, ответила девочка, придерживая шляпу руками.

– Страх как рукой сняло, – заметил я, облокотившись о спинку дивана и закидывая ногу на ногу. Я смотрел на появляющиеся перед глазами верхушки вековых дубов, листьев которых уже коснулась желтизна, они образовывали густые кроны и своеобразный мягкий желто-зеленый ковер, из-под него кое-где выныривали вверх одинокие высокие белые здания. Вдалеке возвышался мост, пролегающий через поблескивающий в лучах Аделаида-Ривер-Порт.

– Совсем не страшно, – сказала Габриэлла, выглядывая из-под моей большой пиратской шляпы. – Правда, очень красиво. Дух захватывает. Мы будто летим над городом.

– Рад, что тебе нравится, а смотри, как отсюда хорошо виден наш район! Вот там группа колоссальных небоскребов высотой в несколько тысяч этажей. А там школа, видно спортивную площадку. Там кинотеатр и проспект Мира. Там вот где-то и мой дом. Какой шикарный ракурс, вот оцени блеск стадиона «Аделаида Овал» и скопление футуристических небоскребов за ним! – зачарованно говорил я, указывая пальцем в окно фуникулера.

Габриэлла лишь кивала в ответ, придерживая шляпу руками:

– Вот бы люди могли почаще так видеть город с высоты. Летели, любовались бы его красотой, смотрели сверху на океанические волны, кроны деревьев, и приземлялись на крыши домов.

– На самолетах?

– Нет, капитан, самолетом управлять очень сложно. А вот если бы на летающем мотоцикле или автомобиле, вот это было бы здорово.

– Охотно верю, думаю, такое транспортное средство скоро изобретут, возможно, даже такая умная, креативная девочка как ты.

– Я? Брось, капитан Киттинг, у меня идеи кое-какие есть, но куда мне... изобретать...

– Тысяча буржуев! Откуда эти сомнения? Шляпа наверняка испортилась, она же должна поселить в сердце своего владельца уверенность и прогнать все сомнения, – я театрально взмахнул рукой, как бы прогоняя все негативные эффекты с пиратского головного убора, трижды прошипел, щёлкнул челюстью, а затем искусственно заниженным голосом спросил: – Так лучше? Чувствуешь в себе уверенность?

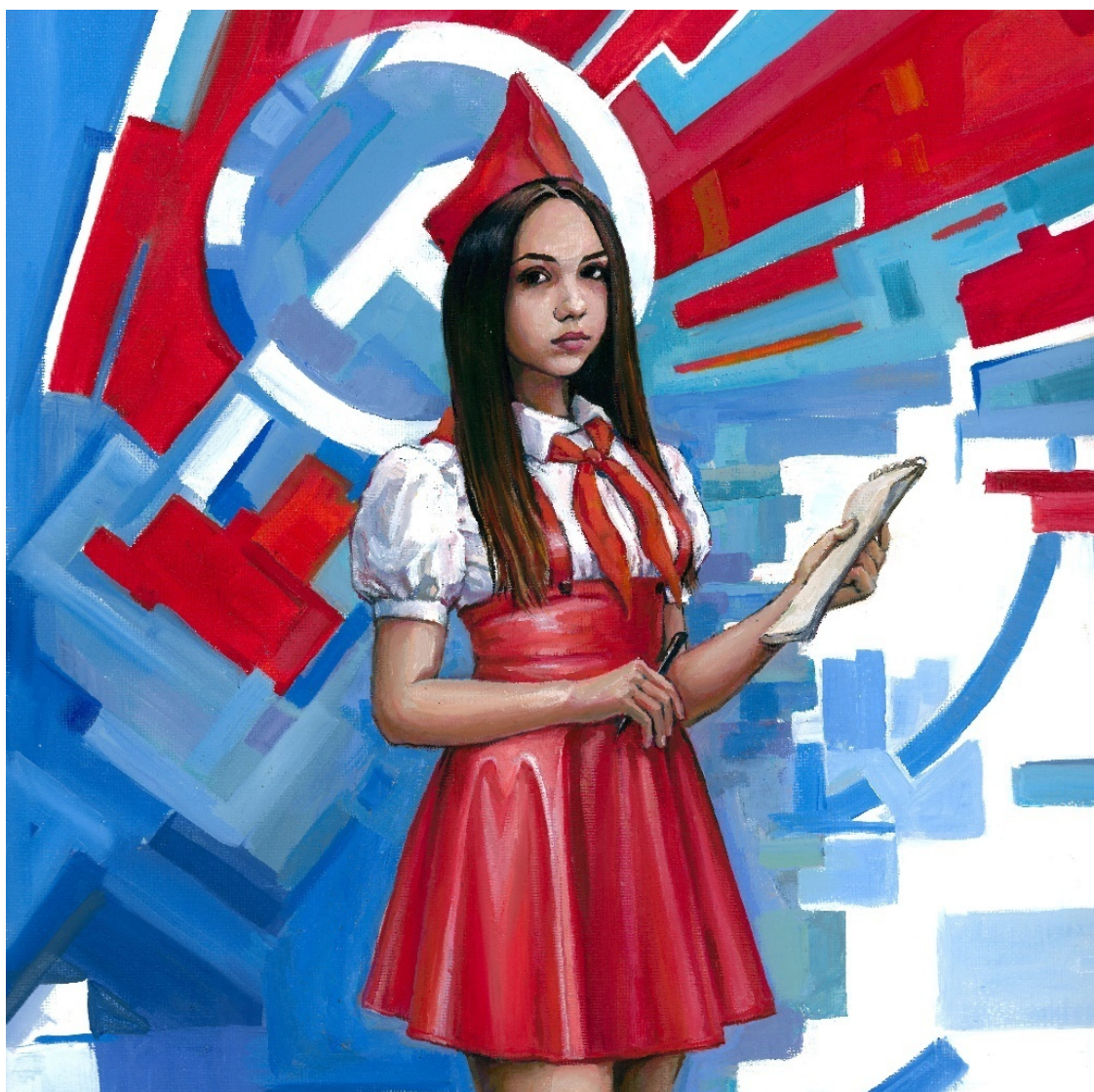
– Ну, вроде чуть больше уверенности стало... – пробормотала девочка, улыбаясь и поправляя поля шляпы.

– Слушай, в школе под конец учебного года будет марафон школьных изобретений, участие добровольное, все необходимые материалы для детских проектов комиссия выделит. Вот ты, Габи, физику очень хорошо знаешь, сделай проект какого-нибудь летательного аппарата, возможно, грузового дрона. Вот, кстати, держи, – я достал из сумки свой блокнот, в котором за весь день так и не сделал ни одной заметки, и протянул ученице. – Это не магический блокнот,

он самый обычный, а вот настоящая магия у тебя в голове. Начиная записывать, зарисовывать прямо сегодня.

Габриэлла обеими руками прижала к груди подаренный блокнот и с улыбкой смотрела на открывающийся перед нами пейзаж из рек, озер, холмов, желтеющих деревьев, зданий и бескрайнего голубого неба. Мы с Габриэлкой договорились никому не рассказывать о чертовом колесе, особенно ее родителям, те наверняка не на шутку разозлятся.

Это воспоминание так отчетливо засело у меня в голове. Я снова в баре, заливаю в себя энергетические напитки для роботов и смотрю на танцующего коллегу. Как бы все сложилось, не сев мы в тот фуникулер, и не подари я ей свой злосчастный блокнот? Или во всем виновата старая пиратская шляпа?

Габриэлла

Помню, что меня мое детство вполне устраивало. Вышло так, что родилась я не совсем здоровым ребенком. Пришлось побыть частым гостем местной районной детской больницы, а также посетить несколько больниц на севере континента.

Мама с папой меня любили и оберегали. Наверняка намучились со мной, я единственный в семье ребенок, но им со мной одной хватает хлопот. Папка у меня музыкант, в юности,

еще до революции, был гитаристом, а мама барабанщицей, так они и сошлись. Они любили листать старый голографический альбом и рассматривать снимки их юности. Я тоже усаживалась к ним поближе и всматривалась в детали. Родители говорили, что тогда было тяжело: бедно жили, и папке даже за решёткой пришлось посидеть за участие в антиправительственных демонстрациях, но и хорошее тоже вспоминали. А из хорошего: мои родители вспоминали, в основном, посиделки у друзей, путешествия, концерты. О революции говорили мало, уверена, им тяжело пришлось, маман обморозила пальцы на ногах в окопах, наверное, поэтому она стеснялась надевать открытую обувь.

Папка был высоким бородачом с длинными вечно грязными волосами. Его гардероб преимущественно состоял из рваных джинсов, кожаных штанов и байкерских футболок. А маман любила короткие волосы, даже машинкой стриглась. Я часто красила ей волосы в разные цвета, а она красила кончики волос мне. Маман была вся в татуировках и пирсинге, никогда не носила платья, по крайней мере, я не видела. Даже на свадьбе она была в шортах, а их медовый месяц они провели на байках, исколесив тогда полконтинента.

Баловали они меня. Построили домик на дереве, мы там втроем вместе сидели и выдумывали разные истории, читали, смотрели фильмы, смотрели на звезды в телескоп, подглядывали за прохожими.

Из-за моего больного сердца мне нельзя было расстраиваться, испытывать стресс, пугаться. Мне нельзя было физически перенапрягаться. Мой рацион питания тоже был несколько ограничен. Была у меня одна подруга детства Аманда, ну или Менди, как мы ее называли. Мы с ней отлично ладили, пока я не покрасила зубы в черный цвет. Да, ты не ослышался. Вот именно тогда папка и маман на мой двенадцатый день рождения устроили мне настоящее интерактивное костюмированное представление.

Папка тогда вошел в образ разбойника, даже костюм раздобыл с патронташем и ковбойскими сапогами, а маман была в костюме амазонки из кожи и меха. Вот тогда, чтобы дополнить образ разбойника, папка раздобыл грим для зубов и один из своих передних зубов выкрасил в золотой цвет. Это меня так впечатлило, у него получилась великолепная имитация золотой коронки, правда, сейчас уже давно такие не ставят, но в старых фильмах я неоднократно такие видела. Позже я пробралась к папке в комнату и нашла этот набор красок для зубов. Это был такой театральный грим, с его помощью актёры театра могли делать себе имитацию серебряных, золотых коронок, а также имитацию выбитых зубов. Вот последняя мне понравилась больше всего. Краска была совершенно безвредна для эмали. Я решила повеселить родителей и нанесла краску сначала на один зуб, далее выкрасила еще один, а потом не удержалась и раскрасила весь рот. Я напугала родителей, сказав, что упала с домика на дереве и выбила все зубы, затем демонстративно показала им свой рот. В ответ родители расхохотались. Самый обычный грим для зубов можно было снять простой чисткой, но этот был для каких-то особенных целей и продержался у меня дня три. С Менди мы чаще всего встречались у меня во дворе и сидели в домике на дереве, иногда ходили на пляж, либо к ручью, и она тоже захотела раскрасить зубы. Я стащила набор красок для зубов и раскрасила Менди все зубы разными цветами. Когда она посмотрела на свое отражение в ручье, мы так смеялись. Жаль, что это был последний день, когда мы общались с ней.

Вечером мать Аманды пришла поскандальить с моей маман и заявила, что ее дочь приличная пионерка, и что ей завтра с такими зубами выступать с докладом перед школьным коллективом. Я понимала, что получилось нехорошо, я не знала про доклад, впрочем, как и сама школа была для меня чем-то далеким и непостижимым. А с другой стороны, ну покрасила она зубы, но она ведь плохим человеком от этого она не стала?! Моя маман заступилась за меня и сказала, что волноваться не стоит, краска с зубов Аманды скоро сама сойдет, и они станут белыми, как прежде. Также она сказала, что девочки веселились, детство для того и нужно, чтобы было потом, о чем вспомнить. Мать Аманды присмотрелась к татуировкам на теле моей

матери и покачала головой, она еще что-то сказала, а потом ушла. После чего Аманде запретили дружить со мной и приходите ко мне в гости. Возможно, ее мама боялась, что Менди рано или поздно тоже захочет себе татуировку, а моя маман не устоит и набьет ей что-то в её стиле, например, череп с серпом и молотом.

Горько мне было от разлуки с Амандой. Я часто видела ее из окна своей комнаты на втором этаже. Я махала ей рукой, иногда она махала в ответ. Я видела, как Менди садится в школьный автобус с остальными детьми, они общались, обменивались какими-то сувенирами, веселились, а я нет.

Ты только не подумай, что я не училась, я училась, только на домашнем обучении. Со мной занимались онлайн, читали лекции, я готовила домашние задания, доклады. Мне очень нравилось, когда учителя приходили ко мне домой, я всегда очень хорошо готовилась и старалась приятно удивить их своими знаниями. Не все предметы я знала одинаково хорошо, что-то мне давалось лучше, что-то хуже. Хочу отметить учителя по физике, технике и электромеханике, это был молодой и очень творческий парень. Выданные им учебники я прочла за две недели, почти сразу во всем разобралась самостоятельно. Мы с ним занимались в домике на дереве, молодой учитель почти всегда просил меня доказать одну и ту же теорему разными способами. Так я училась не заучивать формулы и цифры, а размышлять и анализировать. Это было сложно и интересно. Возможно, этот педагог и будущий учитель творчества капитан Киттинг подтолкнули меня к решению создать летающее авто.

В выходные дни, чтобы я не грустила дома, папка брал меня на работу. С самого раннего детства я торчала в мастерской, наблюдала, а позже помогала папке собирать, перебирать, ремонтировать двигатели. Его коллеги: антропоморфный робот Марк с тускло фиолетовыми волосами и в дерматиновой жилетке, седоволосый бородач – байкер Стив – и вытянутая высокая темнокожая байкерша Лила подружились со мной и уважительно ко мне относились. В то послереволюционное время еще существовали и партия, и руководящие должности, потому на втором этаже мастерской располагался кабинет директора, который редко спускался к рабочим, зато часто вызывал их к себе. Тогда еще была бартерная система, и я получала свои карманные деньги, помогая папке ремонтировать авто. Я сама не ремонтировала, но вполне хорошо помогала механикам, подавала инструменты, детали, запчасти. На карманные деньги, которые я там заработала, мы с папкой купили земли для сада, удобрения и семена, а также разные садовые принадлежности. Помню, как на папином байке мы мчались домой, я сидела впереди, перед ним. В лицо мне дул теплый ветер, а сзади тарахтел небольшой прицеп с покупками.

Правда, никакие цветы не могли мне заменить живого общения со сверстниками. Когда школьный автобус забирал детей в школу, я выглядывала в окошко и наблюдала, как те садятся и уезжают. Робот-водитель, сидевший за баранкой, увидев меня, махнул мне, зазывая тоже поехать с ними. Но я лишь отрицательно покачала головой. Родители холодно отнеслись к моему предложению пойти на следующий год в школу, даже когда врачи сказали, что дефективное сердце, вроде, стало работать лучше.

Было еще одно воспоминание, которое отпечаталось в моей памяти. Было мне 13 с половиной лет, я услышала, как маман с папкой общаются на повышенных тонах. Они так раньше никогда не делали, и это меня шокировало. Я быстренько спустилась с домика на дереве, вбежала в кухню и встревоженно поглядела на родителей. Маман злобно смотрела на папку, тот стоял напротив нее и растерянно смотрел в экран телевизора. Маман громко сказала: «Куда ты собрался? Хочешь оставить нас с Габриэллой одних?! Ты уже раз сидел за участие в митинге, мало тебе?» – на что папка грустно ответил, что идти надо, ведь это важно – отстаивать свои интересы. Я подошла поближе, не понимая, почему они ссорятся. На мой вопрос о причине их ссоры – оба уставились в телевизор. Я тоже посмотрела на экран, что же там такого важного могли показывать? А там говорилось, что во всем мире люди выходят на площади, чтобы

свергнуть партийное руководство, судей, министров, чиновников. Я тогда в этом ничего не понимала, лишь позже узнала, что это было судьбоносное решение народа. Папка подошел к маман и тихо спросил: «Для чего ты отморозила свои пальцы, стоя в окопах, и чего ради я сам схлопотал дозу радиации во время революции? Для чего мы шли на жертвы, чтобы жить пролетариями, чтобы наша дочь жила пролетарием? Не из абстрактных размышлений философов возникло у нас желание жертвовать здоровьем, а из нашей жажды к свободе, из наших нужд и потребностей, из нашего стремления к равенству...»

Когда папка закончил свой монолог, маман посмотрела на меня с горечью и сказала, что тот хочет идти на митинг, будто кроме него некому. Видимо, она боялась, что с ним произойдет там что-то плохое. Папка клялся, что постоит где-то в сторонке, поддержит митингующих издали, но маман ему не верила. И мы отправились туда все втроем. Помню, шли мы по улице в центре города в сторону здания советов, туда со всего района стекались местные жители, были среди них и старики, и молодые, роботы и люди. Помню, я шла и слышала людей, эмоционально переговаривающихся между собой, отрывки их фраз врезались мне в память: «Сам факт, что человек имеет сознание, отличает его от других, порождает у него желание действовать свободно. Тяга человека к свободе и самовыражению – фундаментальная и преобладающая черта человека». Дальше еще парочка о чем-то спорила, я прислушалась к их разговорам: «Именно, товарищ, свободное от партии общество нужно создавать! Только свободный человек может стать во весь рост. Только свободным он научится думать, действовать и проявлять свои лучшие стороны». Когда мы почти подошли к Площади мира, в центре которой стояло здание советов, я услышала обрывок разговора трех женщин: «Да, именно! Нам нужна самоорганизация, нам нужно воспитывать сознательных граждан. Свобода необходима для полного расцвета интеллекта, творческого потенциала, достоинства человека. Подчиненный другим, человек отучается думать и действовать самостоятельно». Вторая женщина добавила: «Именно, подчинение души новаторство и личную инициативу, ведя к однообразию и посредственности, потому общество должно строиться на добровольной ассоциации, а не на принуждении и власти».

Я не понимала толком, о чем говорят все эти люди. Но постепенно начинала понимать, о чем говорил мой отец со своими коллегами: Марком, Стивом и Лилой, которых он встретил на площади, они так решительно разговаривали на понятные мне темы, как свобода и равенство, что суть разговоров потихоньку доходила до меня. На этот раз говорил папка, обращаясь к коллегам: «В нашем сегодняшнем обществе лишь немногие – те, кто наверху иерархии – являются относительно свободными, а остальные – полурабы. Следовательно, без равенства свобода является посмешищем, а мы свободны лишь выбирать себе хозяина, как при капитализме». Маман рассказала мне, что народ выдвинул партийной элите ультиматум об упразднении власти, на что те забаррикадировались в здании советов на верхних этажах. Народ по всему миру проявил неслыханную ранее солидарность и сплоченность и выдвинулся свергать власть. Коммунистическую партийную власть, ту самую, которая победила капитализм, и которая впоследствии сама заняла место капиталистов и мешала строить настоящий коммунизм.

Помню, что огромная площадь вокруг здания советов была битком забита людьми и роботами. Над головами летали дроны, от них доносились фразы: «Не толпитесь, соблюдайте дистанцию, чтобы не возникла давка». Наша семья остановилась у стелы народов, родители стояли внизу, а меня папка посадил повыше, и я взобралась на огромные буквы, которые барельефом выступали наружу из гранитного постамента. Ноги мои упирались в нижнее слово, а руками цеплялась в буквы слова верхнего. Мне стало интересно, что за слова выступают с монолитной стелы, я повернула голову, вытянула шею, поправила длинные локоны, которые растрепал ветер, и прочла верхнее слово – «Свобода». Слово, на котором я стояла, было «Равенство». Третьего слова уже не было, вернее, оно было раньше, но, видимо, его сбили кувалдами или чем-то похожим, и сейчас обломки этого слова лежали под стелой, аккуратно

собранные в гранитную кучку. По следам на монументе оно угадывалось – третье слово было «Партия». Видимо, именно оно так не понравилось тем, кто его сбивал со стелы.

Папка спросил меня, вижу ли я что-то, потому как снизу мало что было заметно. Я вгляделась вдаль, туда, где к небу возвышалось невероятной красоты и величия здание с балконами и арками, с громадными панорамными окнами и с надписью: «Дом советов». Я долго всматривалась, папка теребил меня за штанину моих цветастых шароваров, и я наконец-то ответила, что к зданию подъехал большой черный автомобиль, и из него выходят люди в черной одежде. Эти загадочные люди в черных одеждах поравнялись с представителями народных масс и вместе направились внутрь. Я рассказала все это папке, взамен услышала от него пояснение, что эти люди в черном являются чекистами, они стали на сторону народа в этом противостоянии и сейчас направились на переговоры с представителями правящей партийной элиты. Минуты шли, ничего не происходило. Люди терпеливо ждали, коллеги папки из ремонтной мастерской предложили пробраться поближе к зданию, чтобы улучшить обзор. Папка изъявил желание пойти с ними, и даже маман с болью в сердце отпустила его, а сама осталась со мной у стелы. Но стоило папке пройти несколько шагов, он оглянулся, посмотрел на нас и передумал идти, вернулся к нам, а его коллеги продолжили путь, пробираясь поближе и выкрикивая лозунги: «Свобода, равенство, солидарность!»; «Выше, выше черный флаг, государство – главный враг!» Долго пришлось нам ждать, я уже даже начала подмерзать, стоя на этой стеле. Маман предлагала мне слезть вниз, но я, естественно, отказалась. Ноги уже начали ныть, да и руки затекли, – ты попробуй постой так, как я, полчаса, обхватив руками гранитную букву. Вдруг народные массы оживились, потянули указательные пальцы в сторону Дома советов. Папка сразу начал дергать меня за штанину с требованием рассказать, что там у здания происходит. Я смогла разглядеть, что наружу выходят люди в черных одеждах и ведут в наручниках каких-то мужчин и женщин в строгих костюмах. Арестантов вели вдоль живого коридора, кто-то яростно сопротивлялся, кто-то шел с гордо поднятой головой, одна женщина что-то громко и злобно вопила, но я не смогла расслышать ни слова.

Это воспоминание, пожалуй, одно из самых важных в моей жизни. Мы были свидетелями свержения апологетов власти, последних представителей авторитарного общества. После этого мероприятия жизнь начала стремительно меняться. Не стало начальников, директоров, судей и прокуроров, министров, президентов. На предприятиях, в больницах, школах, колхозах все вопросы решали сами рабочие путем самоуправления и самоорганизации. Папа с коллегами сами стали хозяйничать в автомастерской, а их бывший директор устроился на работу в рыбхоз.

Помню, как мои родители пригласили в гости коллег папки с работы, и подругу маман, и мы все вместе дудели, барабанили, брэнчали на самодельных музыкальных инструментах – нам было очень весело. Так, мы праздновали уход старого иерархического мира и рождение нового Свободного мира.

Старые законы и правила менялись почти каждый день, нужно было внимательно следить за событиями во всем мире. Но кто менял правила, кто создавал новые законы? Все это делал сам народ. М.А.М. методом жеребьевки выбирала из народа делегатов еженедельных съездов, те готовились с докладами, тщательно изучали темы докладов и темы им сопутствующие. И на районных и также всепланетных референдумах обсуждали новые законы, упраздняли старые и принимали новые. Так, жребий пал и на мою маман, они вместе с папкой целую неделю усердно изучали что-то, а потом она поехала на съезд. Родители были воодушевлены событиями в мире. Все больше времени родители проводили за изучением новых законов, к этому процессу подключилась и я, и вот мы уже втроем сидим и изучаем первый том правил и законов под названием «Воля народа». Скажу так, я стала неплохо разбираться в политике, порой могла поддержать дискуссию со взрослыми, правда, далеко не на все темы, а лишь на те, что интересовали меня больше всего. Возможно, это помогло мне убедить папку отпустить меня в школу на следующий год.

Маман была не против моего перехода на стационарное обучение, а вот папка был непоколебим. Мое здоровье было на первом месте для него. Но разве могла я вести здоровую жизнь в изоляции от общества? Так однажды вечером я смогла его переубедить. Я заявила, что мне необходима и важна свобода и индивидуальность, которая делает человека личностью. Личность не существует оторванно от бытия и общества, она представляет собой социальный феномен. А вне общества индивидуальность невозможна: как, сидя дома, я стану полноценной личностью? Для развития индивидуальности нужны другие люди, нужен социум. После этих слов папка задумался, отвел взгляд и согласился со мной. Он похвалил меня за мою эрудированность и признал, что доля правды есть в моих словах.

Тем же вечером, когда я уже собиралась ко сну, со мной связалась М.А.М., она позвонила мне на мой коммуникатор, на дисплее появилось ее бледное женское лицо, спокойным голосом она спросила, действительно ли я хочу идти в школу, и я твердо ответила, что хочу. И как она узнала? Ничего от нее не скроешь. М.А.М. сказала, что завтра же свяжется с представителями ближайшей школы и узнает, возьмут ли они меня с первого сентября на обучение. На этом она попрощалась и отключилась. Я была счастлива, от пережитого всплеска эмоций долго не могла уснуть. Я все думала, как встречу в школе много новых друзей, какие они все будут разные, и как мне с ними будет интересно проводить вместе время.

Вскоре из ближайшей школы мне пришел ответ, что меня готовы зачислить в ряды учеников девятого класса. Помню, как вечером к нам пришли представители школы, учителя и ученики общей численностью 10 человек. Пришли они посмотреть на меня, познакомиться с родителями. Я волновалась и боялась выйти из комнаты, маман подбодрила меня и вместе мы спустились со второго этажа, где в гостиной нас ждали гости, среди них был высокий робот в экстравагантной пиратской шляпе. Также среди пришедших я заметила мою подругу Аманду, и учителя по физике, который приходил заниматься ко мне домой.

Помню, я стояла посреди гостиной, слегка напуганная, а маман и папка стояли в сторонке. Гости подошли ко мне, кто-то из учителей обратился ко мне по имени и фамилии: «Габриэлла Гребская, хочешь ли ты учиться в нашей школе №22 в Радостном районе?» Я покосилась на родителей и ответила, что хочу. Тогда робот в пиратской шляпе положил на стол свой портфель и достал оттуда какой-то сверток ткани красного цвета. Он, тяжело шагая, приблизился ко мне и спросил: «Хочешь ли ты, Габриэлла, вступить в ряды всепланетной пионерской организации?» На глаза накатались слезы, я наклонила голову, отвернулась и вытерла рукавом лицо. Робот положил свою механическую руку мне на плечо и произнес: «Спокойно, все хорошо, ты чего расплакалась, солнце?» Я, протерев глаза от слез, повернулась и, покивав головой, произнесла, что хочу, очень хочу. Я много раз видела в фильмах и на фото, что дети в школе носят пионерские галстуки, и пионерские значки, я знала, что это значит и с горечью понимала, что мне оторванному от социума ребенку вряд ли когда-то предложат вступить в ряды пионерской организации.

Робот в большой черной пиратской шляпе спросил, а есть ли кто-то, кто из пионеров и комсомольцев, кто может поручиться за меня. Я растерянно пожала плечами, но, видимо, робот спросил не меня, а гостей, тех, кто пришел вместе с ним. Тогда вперед вышла моя подруга Аманда и сказала, что она готова за меня поручиться, также вперед вышел мой учитель по физике и произнес, что тоже готов поручиться за меня. Тогда робот одобрительно кивнул и раскрыл красный свёрток, в нем был мой пионерский галстук, там же был и значок, и головной убор – красная пионерская пилотка. Глаза мои засияли, и лицо расплылось в улыбке. Я смотрела то на родителей, то на робота, то на Аманду. Робот спросил, знаю ли я торжественное пионерское обещание? Я знала, потому что много раз произносила его, стоя перед зеркалом, мечтая, как меня принимают в пионеры. Я выпрямилась и, сглотнув, начала говорить:

Я Габриэлла Гребская,

Вступая в ряды Всемирной пионерской организации
Свободного мира,
Торжественно обещаю:
Любить Свободный мир,
Беречь жизнь и здоровье людей и роботов,
Уважать их свободу, волю и равенство,
Ценить культурные и научные достижения общества,
Защищать природные богатства нашей планеты.

После этих слов робот приклонил одно колено, чтобы поравняться со мной в росте, взял красный атласный пионерский галстук, аккуратно повязал его на моей шее и завязал на узел, прикрепил на мой свитер пионерский значок. Пилотку просто вложил мне в руку, а я, не став медлить, сразу натянула ее на голову. Робот поднялся с колена. Когда он выпрямился, громко сказал: «Пионер, к борьбе за развитие Свободного мира будь готов!» А я поспешно ответила: «Всегда готова!» – и отсалютовала. Пришедшие в наш дом гости начали подходить ко мне по одному, поздравлять и пожимать руку. Подошла и Аманда, извинилась, что долго не общалась со мной, извинилась также за свою глупую мать. А еще она сказала, что очень хочет дружить со мной, как и раньше. Я не сердилась на Аманду, зная ее родителей, они ее наверняка строго наказали за те раскрашенные зубы. Жаль, только, что мы с подругой будем учиться в разных школах.

Первый мой день в школе я запомню навсегда. Я оделась ярко и красиво, мне показалось, что мой алый наряд сочетается с моим галстуком, который я так ценила. Когда учительница по высшей кибернетике завела меня в класс, многие мои будущие одноклассники ахнули от восторга, увидев меня. А может, это был и не восторг вовсе... Я села за первую парту, широко улыбаясь, я поздоровалась с соседкой, звали ее Хуонг, а она поздоровалась со мной. Я повернулась к ребятам, которые сидели позади, Бен и Ида, поздоровалась с ними, и они тоже поздоровались со мной. Мне показалось, что мы с этими ребятами станем хорошими друзьями... да уж, мне в те первые дни учебы много чего показалось. Я заметила, что я ниже ростом, чем все мои одноклассники, ниже на полголовы, хотя возраст у нас был один и тот же. Да, рост – это мелочь, но только для тех, кто нормального роста.

Если с соседкой по парте мы более-менее нормально общались, то Ида постоянно норвила меня поругать. Ей не нравилось все во мне, начиная с моей одежды, заканчивая моей прямолинейной манерой общения. Я заметила, что как только я поворачивалась к ним с Беном, то рука ее машинально тянулась к нему. Она хватала его за локоть, за рукав, будто боялась, что я его украду у нее. А вышло так, что не я ее Бена украла, а она украла «мои крылья».

Не хочу говорить об этом, сердце начинает ныть, когда вспоминаю. Как можно было пойти на такую подлость? Что я ей плохого сделала, почему она похитила у меня столь важную для меня вещь? Да и что рассказывать, вы же сами все знаете. Те трое вам наверняка уже все рассказали. Не срослось у меня со школой, забрал меня папка... После случившегося сердечного приступа и длительного лечения, в школу я уже не вернулась. Сидела дома, общалась с Амандой, занималась садом, выращивала цветы.

Преступление и наказание

Капитан Киттинг, какой же он великолепный преподаватель. Сколько идей, цитат, педагогических методик и практик было в его металлической голове. Думаю, мало кто из преподавателей сравнится бы с ним в педагогическом мастерстве. В то утро он был на удивление молчалив и пугающе печален.

Зайдя в класс, он, как обычно, сел в свое большое кресло, хотя нет, сел он не как обычно, а скорее рухнул, словно утомленный старик. Он снял свою великолепную черную пиратскую

шляпу, вынул из подставки ножницы и принялся резать свой головной убор. Разинув рты, мы безмолвно наблюдали за этим душераздирающим зрелищем, и вот он закончил, перед ним на столе лежала горсть черных лоскутков. Каждому из нас он отдал по одному кусочку своей шляпы, а последний двенадцатый положил на парту возле меня, где ранее сидела Габриэлла. Киттинг вернулся в кресло и, глядя в окно, завел монолог, слова которого я до сих пор помню предельно хорошо.

«Десять лет храбрые революционеры самоотверженно сражались за нашу с вами свободу. Кто-то не смог пережить войну, но все они, так или иначе, боролись за наше, т.е. ваше будущее. Какими они хотели видеть вас? Свободными, счастливыми, сильными, смелыми, справедливыми, честными. Кто же такой свободный человек: свободный он, прежде всего, от пагубного воздействия других людей, аморальных, безнравственных, от законов, обстоятельств, обязанностей, которые они, пользуясь своим привилегированным положением, взваливают на него. Кто такой человек счастливый? Думаю, тот, кто ставит цели, добивается их, восхищается собой, плодами своей деятельности, потребности которого удовлетворены. Это тот, кто развивается, растет и помогает расти другим. Кто такой сильный человек? Это тот, кто умеет побеждать? Нет, это тот, кто умеет проигрывать, – это куда сложнее. А смелый, тот, кто сможет поведать о своей ошибке другим, признает, что был неправ. Справедливый человек – тот, кто не сможет жить с грузом на сердце, кто не будет оправдывать низменные поступки свои или своих друзей, постарается их искупить и призовет к искуплению остальных. Ну а честный, думаю, это человек, который, обладая всеми вышеупомянутыми качествами, может без стыда смотреть на себя в зеркало. Я дал каждому из вас кусочек этой замечательной, очень дорогой для меня шляпы, положите его дома, куда-нибудь на видное место. И, когда будете на него смотреть, невольно вспоминайте мои слова».

Остаток урока пролетел незаметно, последнее время я то и дело мысленно находилась где-то далеко. Скрывать свое ужасное душевное состояние, вызванное не только регулярными недосыпаниями, но и другими не менее весомыми причинами, уже не было сил. И на все были свои причины. После заседания комиссии по рассмотрению школьных проектов привычный размеренный образ жизни сменился частыми нервными потрясениями. Я ушла с уроков раньше, поскольку от усталости более не могла адекватно воспринимать информацию. В общении было тихо, поскольку все дети в данный момент находились на занятиях. В комнатке 4 на 4 метра я была одна. Рухнув на одну из кроватей, я посмотрела на себя в зеркало, увидела короткостриженую девчонку азиатской наружности. Но прав был капитан Киттинг, я не смогла совладать с собой и без стыда посмотреть себе в глаза. Я улеглась, пошарив рукой под матрасом, извлекла помятый, перепачканный блокнот.

Да, это я его украла. Когда Габриэлла отвлеклась, я незаметно утащила его из сумки и, выбежав на улицу, закинула в распахнутое окошко своей комнаты в общежитии. Я – та самая Хуонг, которая сидела с ней весь год за одной партой. Но не спешите меня линчевать, дайте возможность пояснить мотив своего поступка, вернее преступления.

Тогда, во время заседания, презентация Габриэллы мне виделась в крайне мрачных оттенках. Я неоднократно отговаривала ее участвовать в мероприятии, советовала лучше подготовиться на следующий учебный год, возможно, и тему другую взять. Я отлично помнила, какой она тепличный цветочек. Как легко ее ранить, задеть за больное. Свой проект Габриэлла готовила целых пять месяцев, если не больше, все это время он являлся смыслом жизни для нее. Я подумала, что комиссия не оценит такой утопический проект, посоветует сменить тему, или раскритикует. А одноклассники будут сверлить ее взглядами, особенно Ида, и вот представьте себе, что всем дадут разрешение на реализацию их проектов, а ей одной нет! Каково ей тогда будет? В моем воображении эта радостная девочка мрачнела, взгляд ее постепенно угасал в омуте забвения, губы наполняла судорожная дрожь, держась за сердце, она падала в кресло, я и несколько неравнодушных учеников утешали бы ее.

Да, именно так я видела развязку ее презентации. Поэтому, не выдержав напряжения, отважилась на преступление. Мне думалось, что, не обнаружив блокнота, она слегка расстроится, понервничает, но отойдет через пару дней, а потом я случайно найду этот блокнот и верну ей, а может, она забудет о нем вовсе, переключится на что-то другое.

Все произошло не так, как я предполагала. Габриэлла вышла из себя, ее истерике не было границ, наверное, я чуть не убила ее, мне нужно было вернуть блокнот тогда, ведь можно же было. Но я струсилась. Потом ее забрал отец, и больше в школе она не появлялась. Я звонила ей, писала, приходила домой, но ее мать, мне вежливо намекнула, что дочери нужен покой, а общение с кем-то из школы может повлиять негативно. Как выяснилось позже, в тот день у нее случился сердечный удар.

Лишь Бену как-то весенним утром удалось повидаться с Габриэлкой. Подобно мне, он несколько раз приходил к ее дому, но родители тактично отвадили его. Однажды во время разговора с ее отцом Бен все же заметил девичий силуэт, неосторожно мелькнувший в недрах квартиры. Он машинально окликнул ее, и Габриэлла, к удивлению, подошла. По его словам, вид у нее был крайне болезненным: исхудалая, сутулая, бледная, неопрятная, с темными кругами под глазами. Большой бородатый рыжеволосый отец, на которого Габриэлла была похожа лишь носом, пропустил ее на улицу, и школьники смогли немного пообщаться. Сидя на лавке у дома и глядя на цветочную клумбу, залитую солнцем, она излила ему душу. После 8 лет домашнего обучения ей так хотелось жить в коллективе, среди сверстников, найти друзей, влюбиться. Она не понимала, почему некоторые ее сторонились, считая странной и инфантильной, почему нажила недоброжелателя в лице Иды. И не понимала, зачем так поступили с ней в последний день ее учебы. О блокноте она уже не думала, призналась, что занимается цветами, посадила несколько сортов тюльпанов, львиный зев, петунию и прочие. Врачи советовали ей занять себя чем-то приятным и спокойным, растения показали вполне подходящим вариантом. В школу она уже более не вернется, мечты об учебе в коллективе, о дружбе и первой любви разбились о суровую действительность.

О, проклятье, что же я наделала, моя милая Габриэлла, как же я тебя подвела, как виновата перед тобой, нет мне прощения, и стоит ли меня прощать? Эта вопиющая, ужасная несправедливость разрывала меня изнутри, по ночам сдавливала сердце, ломала грудную клетку, колола и резала живот. Я четко уяснила одно, от угрызений совести невозможно скрыться.

Худшее потрясение меня ждало дальше. Разрываемая на части, я периодически доставала этот пресловутый блокнотик. Когда рядом никого не было, я листала, пыталась читать неразборчивую писанину. Наверное, лишь одна я могла разобрать все эти закорючки, сокращения, аббревиатуры. Начало блокнота не представляло собой ничего серьезного, несколько детских зарисовок: костюмы, персонажи фильмов, чашки, зверушки. Далее, шли более проработанные рисунки с описанием, которое все еще походило на детские фантазии. С каждой страницей все остальные темы все более вытесняла одна – создание неких «крыльев» для авто. Тема эта мелькала все чаще и чаще, превращаясь в итоге в некую одержимость. Рисунков становилось все меньше, появлялись записи более сложного характера: свойства магнита, магнитный момент, магнитный железняк $FeO \cdot Fe_2O_3$, квантовая теория поля, бозон, фотон, ферромагнетики, парамагнетики, диамагнетики, постоянный магнит, электромагнит. Так же наличествовали более сложные понятия, такие как: магнитная проницаемость, магнитная индукция, напряженность магнитного поля. После – огромный блок записей: описания результатов исследований физиков, математиков, начиная от Вильгельма Вебера, заканчивая ядерщиками XXIV века: С. Лебеденко и А. Кравченко. Потом шел лес формул, в водовороте которых можно было потерять сознание, захлебнуться или сойти с ума. Мне приходилось целыми днями листать учебники по физике, чтобы разобраться в написанном. Я брала книги из районной библиотеки, но даже этого было недостаточно. Наконец-то я вышла на одного немолодого физика, который, потратив несколько вечеров, внятно объяснил мне столь сложные для меня вычис-

ления. На этом все не закончилось, вычисления приобрели иной характер, они стали на порядок выше всего, что я могла найти в работах исследователей. Невероятные умозаключения, которые, по всей видимости, не затрагивались ранее никем. Натыкаясь на все новые и новые уравнения, решения которых часто занимали по 5 страниц и не всегда являли собой окончательный ответ, я вновь обратилась к знакомому физику, но тот дал ответ лишь через 8 дней, столько ему было нужно, чтобы разобраться. Он без лишних объяснений потребовал приехать к нему со своими наработками, на что я ответила отказом, ведь работа в этом блокноте мне не принадлежала. Получив от него ряд версий, предположений и ответов, я с огромным трудом все же разобралась в пугающем водовороте символов и цифр. На мой коммуникатор звонили преподаватели Австралийского университета прикладной физики, профессора Евразийского института по изучению магнитного поля, представители Южноафриканской академии, все они умоляли явить миру полный объём этой работы, которая была в блокноте Габриэллы.

Меня бросало в жар, от осознания, что в моих руках не просто помятый блокнотик инфантильной школьницы. Это был труд настоящего гения, и, похитив его, я крупно облажалась. Заканчивался блокнот от руки выполненными чертежами, короткими жирно выделенными формулами, лаконичными пояснениями.

Черный лоскут великолепной пиратской шляпы я оставила на письменном столике, а сама, прихватив блокнот, выбежала из комнаты. Вы вряд ли меня поймете, почему я его украла, и тем более не поймете, почему решила признаться в краже. Я понимала, что будут негодовать, сердиться, ругать, читать нотации. Но страха во мне более не было, потому как именно сейчас я поступала правильно, честно, порядочно. Ворвавшись в класс, я заметила, что урок уже закончился, преподаватель ушел, но ученики были в полном составе, дабы привести помещение в порядок, убраться, протереть пол и т. д. Я замерла у доски, прижимая к груди помятый блокнот. Мое внезапное появление некоторых удивило, ведь я только что отпросилась в связи с плохим самочувствием. Заметив в моих руках пропавший блокнот, Ида сначала замерла, потом подбежала ко мне и, уставившись, громко вскрикнула: «Ты нашла его!» Как бы я хотела удовлетворительно кивнуть в ответ, но совесть мне не позволила. Я тихо произнесла: «Нет, я украла его». Одноклассники отложили свои дела и угрожающе обступили меня. «Да что же ты, совсем с катушек слетела? Как ты могла так поступить?» – спросил Бен, выхватывая у меня главную улику. Я набралась сил и посмотрела им в глаза, каждому из них. Да это было сложно, и лучше бы они меня побили, чем вот так пытаться пронзительными, обжигающими душу взглядами. Я жадно втянула воздух и рассказала им все как было. Оваций в конце не было, да я их и не ждала собственно, поэтому приготовилась мужественно выслушать все нравоучения и упреки. Вместо этого раздалось давящее безмолвие. Послышался голос лучшей подруги: «Да, Хуонг, подло и необдуманно поступила ты. Даже и не знаю, как тебя простить, но попробовать понять можно». Затем еще одна девочка добавила: «Ты, конечно, вор, но в преступлении и своей вине призналась – это благородно». Высказался и Бен: «Ох, тяжело мне тебя понять и простить, ведь Иду все это время подозревали в краже, косо смотрели, отказывались общаться, а у Габриэллы вообще жизнь пошла под откос, не говоря уже об ухудшении здоровья. Думаю, нет прощения этому поступку, но тебя я прощу, ты честно созналась в краже». Больно было слышать эти слова, но они имели право на существование. «Все мы виноваты», – тихонько сказала Ида, подразумевая в первую очередь себя.

Далее кто-то из класса спросил, что теперь делать? Выдвинули два предложения: вернуть блокнот законному владельцу, или отдать преподавателям. Проголосовали за первый пункт, далее предложили исполнить эту миссию мне и попутно извиниться перед Габриэллой. И уже были готовы вручить мне блокнот, как вдруг Ида спросила: «Ты читала его?» На что я ответила утвердительно и добавила, что изучила его от корки до корки и даже консультировалась с выдающимися светилами физики. Наступила тишина, пристально на меня посмотрев, Ида вновь спросила: «Полетит? Машина ее полетит?» Не дав мне ответить, кто-то вскрикнул: «Да

какая разница, ведь отбор проектов уже окончен, жюри определились и выслали бланки на сметы, все равно уже ничего не изменишь». Лучшая подруга не желала слушать этот комментарий, продолжала добиваться ответа: «Полетит? Скажи мне, что она полетит!» На что я едва заметно кивнула и смело добавила: «Полетит».

Многие замерли от удивления, кто-то обхватил руками лицо, другие изумленно переглядывались, пока Бен не высказал свой вопрос: «Как же так, мы ее видели такой инфантильной и несерьезной, а выходит... ошибались». Ида забрала блокнот у Бена и вложила его мне в руку, взглянула в глаза, а потом и остальным. Затем она произнесла слова, которые и характеризуют ее истинную натуру: «Мы все виноваты, поскольку одни из нас не восприняли Габриэлла всерьез, а другие ничего не предприняли, чтобы это изменить. Валить вину за это воровство на кого-то одного неправильно. Я пожертвую своим проектом ради ее «крыльев». Если автомобиль будет летать, то моя коробка передач не пригодится обществу. А ее проект даст невиданный ранее темп развития. Заполним смету так, как скажет Габриэлла, и поможем ей с работой, как вам идея, голосуем?»

Бен обнял ее и, посмотрев в лицо, добавил: «Твоя мать убьет тебя, ты хорошо обдумала свое предложение?» На это Ида утвердительно кивнула и во всеуслышание заявила, что, находясь в здравом уме, жертвует своим проектом ради Габриэлла и просит поддержать голосованием ее идею.

На остановке у школы мы дождались автобуса и отправились к Габриэлле домой. Водитель закрыл дверь, и транспорт, медленно набирая скорость, двинулся вперед. Повисшая в воздухе салона напряженность, ничуть не располагала к беседе. Лишь со временем, возможно, под влиянием частых в эту пору года солнечных лучей, мои одноклассники оттаяли, и я услышала их приглушенное бормотание. Лишь Бен, сидевший рядом со мной, всю дорогу грустно смотрел в окно. За весь путь он не проронил ни слова. Автобус мчал вверх по ухабистым извилистым улочкам, мимо залитых солнцем зеленых холмов. Углубляющаяся в лесные дебри дорога становилась все хуже, и автобус порой трясло и покачивало. Мне ничего не оставалось, кроме как глядеть в окно, на проносящиеся мимо высокие деревья и аккуратно подстриженные кустарники. На миг взору предстало строящееся на холме здание планетария: большое, сферическое, с множеством круглых окон, террас и обсерваторий. Примечательно, что возводилось оно на месте католического костела, спешно демонтированного вскоре после революции. От завораживающей местности, по которой мы ехали, преодолевая крутые подъемы и спуски, исходило некое необъяснимое успокоение. Взгляд ласкали все новые и новые пейзажи, причудливые жилые строения, загадочные лесные рощицы, девственные луга, и небольшой кристально чистый водоем, над которым мы проехали по старинному каменному мостику.

Любуясь видами из окна, я вспомнила фразу, которую нам когда-то сказал капитан Киттинг, что игры детей – это зеркало общества. Игра формирует у нас базовые навыки – моральные и этические. Если в обществе превалирует жестокость – то и дети будут играть в войну и жестокие игры. А вообще, не только игры, но и остальная детская и подростковая деятельность является отражением общественных процессов. Вот актуально сейчас противостояние двух сил авторитарной и анархической. С одной стороны – приверженцы партии, те, кто не верил в реализацию бесклассового, безгосударственного, безбартерного, анархического общества, того самого истинно-коммунистического, где все равны и все бесплатно, не верили и строить его не собирались. С другой же стороны – свободный народ, уставший от лидеров и любых авторитетов, свободомыслящий и своенравный, сплоченный и солидарный, которым нельзя манипулировать. Не верили традиционалисты и авторитаристы, что можно вот так взять и построить Свободное общество, в народ не верили, в его силу, ум, дисциплину, самосознание, а народ берет и строит это самое общество.

Вот и у нас в классе, с одной стороны, Ида, привыкшая к одним традиционным порядкам и ценностям, к иерархическому мышлению, потакала авторитетам, даже если те неправы,

оправдывала их и не желала терпеть конкурентов. И творческая свободомыслящая Габриэлла, разум которой не скован навязанными авторитетными схемами, указаниями, нравоучениями. Кто верил, что ее идеи с летающим авто так прогрессивны? Наверное, никто, всем она казалась причудливой. А оказалось вот как. Сама Ида давеча признавала, что Габриэлла оказала на нее влияние. Мы с Идой были не так давно в торговом центре, и проходили мимо витрины с одеждой. Когда прошли первый раз, Ида осудила платье на манекене, мол, короткое, второй раз, она молча прошла, но пялилась на него, не сводя глаз. А третий раз зашла и взяла его, тем более оно было бесплатное, как и все товары. Она в тот вечер звонила мне по коммуникатору, и мы общались довольно долго по видеосвязи. Ида тайком от матери примеряла новое платье, а мать... эта ее невыносимая мать, стояла и подслушивала наш разговор за дверью. Ида ее пару раз прогоняла, и та наконец-то ушла. Тогда Ида мне неохотно и сказала, признала-таки, что ошиблась в Габриэлле. Дошло до нее, что Габриэлла не боялась носить такую одежду, не потому, что у нее были красивые ноги, ноги как ноги, у Иды точно такие же. Просто Габриэлла вообще не боялась ничего, она же могла умереть в любую минуту от остановки сердца, и жила так, будто каждый день последний. А Ида боялась порицания, осуждения, негодования, сплетен, слухов, наказания, неодобрения, боялась перемен, боялась лишиться социального статуса в нашем классе, боялась выглядеть глупо. Она боялась остаться без поддержки классного коллектива, мамы, Бена, моей; боялась стать белой вороной, эксцентричной, необычной, хотя и хотела таковой быть. Наконец-то автобус взобрался наверх пологого холма и, сделав круг, остановился.

Мы редко ходили к кому-то в гости, вот так вот все вместе, да еще и без приглашения. Но тогда у нас был весомый повод. Пройдя в конец улицы Лесистой, мы заметили скромный бледно-зеленый домик с коричневой черепицей, явно выделяющийся из общей массы своим декоративным окрасом. Во дворике под огромной ветвистой акацией между небольшими клумбами со шлангом в руках сновала худенькая фигура подростка в розовой футболке и широких цветастых шортах. Мы на миг остановились, и в унисон вполголоса произнесли: «Габриэлла». Стоя к нам спиной и поливая цветы, она, словно почувствовала на себе взгляд одиннадцати человек и оглянулась. Сначала ее лицо не выражало никаких эмоций, но, закрутив краник шланга, Габриэлла слегка прищурилась и стала сверлить нас взглядом темных карих глаз. Мы приблизились к ее дому и остановились у газона, лишь я позволила себе ступить на узкую каменистую аллею, ведущую к крыльцу, остальные остались позади у калитки.

«Привет!» – сказала я. Габриэлла поздоровалась в ответ. Я поспешила снять с плеч рюкзак и, расстегнув молнию, извлекла оттуда потрепанный блокнот. Девочка заметно оживилась, увидав свое творение, она бросила шланг, а затем, вытирая руки о пышные шорты, направилась ко мне. Я вручила ей блокнот, и та, улыбаясь, прижала его к груди. «Как он... где он был?» – задала она вопрос, который ужалил меня в самое сердце. Я замешкалась, опустила глаза, начала что-то мямлить, но за спиной послышался голос Бена: «Она его нашла!» Остальные подхватили его инициативу и тоже принялись кричать, что я его нашла.

– Спасибо вам, что нашли его... но, думаю, уже поздно. Я вряд ли вернусь в школу, и все это было напрасно.

– Нет, не напрасно, Ида отказалась от реализации своего проекта в твою пользу!

– А как же жюри, комиссия? – удивилась Габриэлла.

– Вон у меня за спиной наше жюри – все одиннадцать единогласно за твой проект, – объяснила я.

Бледное лицо Габриэллы медленно расплылось в улыбке. Она прошла мимо меня к остальным одноклассникам и остановилась напротив Иды. «Ты действительно откажешься от своего проекта?» – спросила она у одноклассницы. Та, слегка покраснев, утвердительно кивнула. Потом едва слышно добавила, что это ее инициатива и решение, и об этом ее никто не просил. Затем Габриэлла подошла к ней еще ближе и, впервые глядя в глаза, спро-

сила: «Почему, ведь я тебе не нравлюсь?» Ида взяла ее за руку и, глубоко вдохнув, произнесла: «Потому, что я всегда хотела быть такой, как ты. Да, в отличие от меня, ты свободна от стереотипов, раскрепощенная, смелая, своенравная. Ты мыслишь гибко, креативно, мобильно... иными категориями, несмотря на авторитеты и ограничения. Будущее нашего общества должно быть за такими, как ты, Габриэлла».

Наверное, Бену стоило гордиться собой, под его влиянием проявились все те лучшие черты Иды, которые так глубоко прятались от ее авторитарной матери. Я увидела, как два бывших врага обняли друг друга, вскоре к ним присоединились остальные. Да и я тоже, не желая стоять в стороне, крепко обняла Габриэлла. Могу поклясться, в тот судьбоносный момент я почувствовала, как наша энергия наполняет ее болезненное тело, как радуется ее душа, и вновь распускаются ее крылья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.